

034

A 32

НИКОЛАЙ АДУЕВ

P33086

ИСКУССТВО 1944

НИКОЛАЙ АДУЕВ

ТАБАЧНЫЙ
КАПИТАН

*Комедия на музыке в четырех актах,
пяти картинах*

33081

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИСКУССТВО“

Москва 1544 Ленинград

Д 32 + рукоп.

Комедия написана так, что может быть поставлена как музыкальными, так и драматическими театрами. Во втором случае часть вокальных номеров можно опустить, часть — по желанию постановщика — дать либо на музыке без пения, либо без музыки, и лишь несколько песен и арий автор считает обязательными для любого спектакля:

1. Квартет обиженных бояр.
 2. Голландская моряцкая.
 3. Ария Ивана
 4. Здравица Корсакова
 5. Ария Жермены
 6. Куплеты Ивана («Я только мужик») — в третьем акте.
- во втором акте.
- Все другие купюры просьба согласовывать с автором.
-

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Смуров Карпий Семенович — купец, крепкий 45-летний вдовец.

Люба — дочь Смурова.

Свинына Ненила Варфоломеевна — знатная боярыня, лет 45, статная, держится с достоинством.

Антон — ее сын.

Иван — слуга Свиныных.

Жулев Капитон Сидорович — купец, поставщик мачт на государев флот.

Гликерия — его дочь.

Акакий Плющихин — царский дьяк, бывший воспитатель Петра, а ныне его советник и собутыльник.

Ганнибал — арап, царский крестник.

Господин Питер.

Первый боярин.

Второй боярин.

Третий боярин.

Четвертый боярин.

Арина — мамка Любы, дородная, красивая, лет 35.

Ван-Блазиус } голландские судостроители — на
Гервасий } службе у Петра.

Корсаков Алексей }
Лугин } молодые дворяне.
Стрешнев }

Комендант гавани в Санкт-Петербурге, старый моряк.

Молодой приказчик — служащий Смурова.

Девушка — горничная Любы.

Матрос.

Мадам Нишиш — содержательница кабачка «Лев и Кастрюля» в Париже.

Месье Мутон — главный повар кабачка.

Месье Кеке — молодой подручный Мутона.

Жермена де Курси — маркиза.

Диана де... — графиня, возлюбленная Гамбиала.

Батист — кучер маркизы.

Мажордом — из дома маркизы.

Молодые дворяне, бояре, боярыни, боярышнии, шкиперы, слуги, повара, девушки, матросы, грузчики на пристани..

А К Т П Е Р В Ы Й

Сад купца Смурова, поставщика парусины на суда государевы. Сад заполнен слугами. Одни, стоя на лесенках, протягивают меж деревьев проволоку для иллюминации, другие хлопочут у столов, расположенных «покоем» в середине сцены. Убранством столов руководит Люба, дочь Смурова. Она в русском платье, ей 16—17 лет. Любе помогает ее мамка Арина. Смуров хозяйственно оглядывает сад и столы. Около 6 часов вечера. Золотая осень на фоне пейзажа тогдашней Москвы.

С м у р о в.

Эй, шевели, шевели, пошевеливай!
Да что ж, на вас столбняк напал!
Как этот ковш сюда попал?
Сам царский дьяк

его пригубит.
Он чарки древние не любит.
Вот ложись-ка на девиц:
Ни разуменья, ни заботы!
Вели подать сюда сервиз
Чеканной аглицкой работы...

Люба.

Дозвольте, батюшка...

Смуров.

Молчи!

Люба.

Дозвольте, батюшка, ключи.

Смуров

(передвая ей ключи, мягко).

Возьми, да, слышь, не отдавай-ка,
С другими к поясу примкни.
Ты в доме полная хозяйка.
Да только считанные дни.

Люба.

Как, батюшка?

Смуров.

И думать тяжко,
А видно, видно по всему:
Ох, упорхнет пелуныя-пташка.

Л ю б а.

Да что вы, батюшка? К кому?

(В сторону.)

Что это значит? Сердце бьется...

С м у р о в.

Да так уж истари ведется...

Вот прошло счастливо детство,

Сказкам няниным конец.

Подрастает по соседству,

Словно в сказке, молодец.

И зардеется в опаске

И потупит дева взор,

Как начнет иные сказки

Ей шептать через забор.

И жених невесте смело

Скажет: «Будь навек моей»,

И возьмет за ручки белы,

И в глаза заглянет ей.

Громко гости крикнут «горько»

За столами в день венца,

И погаснет ясна зорька

В доме старого отца!

(Пригорюнился.)

Х о р.

И погаснет ясна зорька

В доме старого отца.

Люба.

Ну, что вы пригорюнились, батюшка? Мне об этих глупостях и думать рано!

Смуров

(вдруг обиделся).

Это почему же рано? Дочь купца Смурова, первого поставщика парусинной холстины на все корабли государевы, в девках сидеть не должна! Это не дело!

Люба.

Дозвольте, батюшка, пойти прибраться до гостей.

Смуров.

Вот это дело. Время считанное, а наряды ваши заморские надевать долго. Иди, иди...

Люба.

А что до сего разговору, батюшка, то ведать извольте: мне и в девичестве хорошо, и замуж я никогда не пойду! (Убегает.)

Смуров.

Постой! Люба! Постой! Что ты сказала? Ушла... (Арине, гневно.) Ах, ты, кочерга витая! Ты чего ж это не доглядела? Говори, как на духу, кто он?

Арина.

Да что ты, батюшка, взъярился? Не больно я тебя

испужалась. Кочерга... Небось, вечер еще меня лебедью звал, а ныне...

С м у р о в.

Тсс... Нишкни! Лебедь, а циптишь, как гусыня. Да разве ты не слыхала, чем Любушка отца порадовала?

А р и н а.

Как не слыхать! Никогда, говорит, замуж не пойду.

С м у р о в.

А ты разумеешь, что сие значит?

А р и н а.

Как не знать? Любовь дочернюю!

С м у р о в.

Дочернюю? Врешь! Сие значит — нашла себе предмет сердцу. «Никогда замуж не пойду» — сие у девиц значит: «Никогда не пойду ни за кого другого». Говори, кто бы это был? Знаешь?

А р и н а.

Знать не знаю, а смекать смекаю. (Шопотом.) Люба-то наша что-то больно часто у соседского тына погуливать стала.

С м у р о в.

Антошка? Сына соседки моей, боярыни Свиной? Быть сего не может!

А р и н а.

Может — не может, а может — и может.

С м у р о в.

Задала ты мне не в пору задачу... Гм... С одной стороны, оно бы и прельстительно...

А р и н а.

Ох, прельстительно! Свиныны — род знатнейший.

С м у р о в.

Зато спеси много. Вчера семь раз спину гнул, как в гости звал, и до сей поры не ведаю, придут ли. Нет! Никогда они через увальня своего с купчишкой Смуровым не породнятся. (*Подходящему слуге.*) Тебе чего?

С л у г а.

От бояр Свиныных челядь прислана.

С м у р о в.

Это к чему?

С л у г а.

Не говорят холопы, до вас просятся.

С м у р о в.

Гм... Зови.

С л у г а *уходит.*

Это не дело. Это значит — отказ. быть не хотят. Так и знала...

Входят слуги Свиныных. Впереди Иван.

Что скажешь, молодец?

Иван.

Боярыня Ненила Варфоломеевна кланяться велела.

Слуги кланяются.

Да нас прислать изволила на тот случай, что как ваша милость сей день гостей знатных ожидает, то не помочь ли по соседству к столам да на кухнях?

Смуров

(тихо).

Это дело. *(Громко.)* Боярыне Нениле Варфоломеевне земной поклон и сердечное спасибо за ласку. Людей у нас хотя и хватает, да почет велик. Ступайте, молодцы, к челяди нашей. Арина! Велика угостить народ. *(Тихо.)* Да так, чтоб неделю смуровское угощение хвалили. *(Ивану.)* А ты, молодец, стой!

Слуги с Ариной уходят. Иван остается.

Это тебе за речь гладкую. *(Дает деньги.)* Где так складно говорить обучен?

Иван

(кланясь, принимает деньги).

Имею донести: нарочно не обучали, а как наказывала боярыня, так и упомнил.

Смуров.

Это дело. А сам ты по какой части у боярыни?

Иван.

При ключах, сударь, по хозяйству и при боярыне молодом.

С м у р о в.

Вишь ты! Должности немалые. Ты что же? Вольный? На хлебах служишь?

И в а н.

Нет у меня воли, сударь! Покойный боярин Яков Петрович меня малолетним у боярина Татищева на табак заморский выменял. Читать-писать научил, считать! Всему учил! А как умер, боярыня говорит: «Хватит! Слишком умный будешь. Теперь служи!» (*Грустно поник.*)

С м у р о в.

И много боярин на тебя табаку извел?

И в а н.

Знать не могу, сударь.

С м у р о в.

Это уже не дело. Это ты,— мой тебе совет,— точно узнай, сколько. Теперь, брат, такое время, что каждый человек цену себе доподлинно знать обязан. Ты чего кланяешься?

И в а н

(с низким поклоном).

Великое слово, сударь. Только мне моя цена и ведома и неведома.

С м у р о в.

Это как же?

И в а н.

Боярин табаку за меня отдал по весу..

С м у р о в.

Ясно, что не на-глаз. Я и спрашиваю, по какому весу.

И в а н.

По моему. На одну чашку табак, на другую — меня; сколько потянул, столько и насыпали.

С м у р о в.

Вишь ты! Это дело... *(Подумав, решительно.)* Это боярин дело сделал! Ты, небось, молодой да щуплый был, мало весил?

И в а н

(тихо).

Ах, сударь!.. Боярин Татищев холопов своих кормил не больно сытно. Мало весил... *(Понурил голову.)*

С м у р о в.

Эх ты, разнесчастный! *(Пригорюнился, потом жалостно и свирепо.)* Табак-то хоть хорош был?

И в а н.

Хорош! Меня хозяин прежний шутки ради на прощанье трубкой угостил. Очень хорош.

С м у р о в.

Гм... Это выходит, ты, значит, еще в детстве сам себя прокурил? Рановато... Эх, парень, приглянулся ты мне. Я, брат, не посмотрел бы, что боярин тебя дымом из ноздри пустил, а в люди бы вывел.

И в а н.

Не отдаст меня боярыня. Крепко держит...

С м у р о в.

Не отдаст, говоришь?

Иван печально и отрицательно качает головой.

И не продаст?

Иван — та же игра.

Гм... Ну, ладно. Займись, братец, убранством.

Иван хочет идти.

Эй, ты куда?

И в а н.

Ключника сыскать. сударь, под начало к нему стать.

С м у р о в.

Стой! Ключника у меня нет. Не по бедности, конечно, а того для, что дочь моя сама дом держать привычна. Люба! Люба! Ты готова?

Л ю б а

(за сценой).

Готова, батюшка.

С м у р о в.

Ну, иди, займись столами.

Люба выходит в европейском платье, нарядном, но скромном и со вкусом.

Вот тебе и помощник — самих Свиных ключник.
(Тихо.) Люба, подь сюда! Ты его не чурайся! Он,

хоть и холоп, а парень с толком. (*Громко Ивану.*) Вот тебе на сей день хозяйка, под ее начало и стань. (*Идет, возвращается, Ивану.*) Так не отдаст, говоришь?

Иван отрицательно качает головой.

Гм... Ну, ну... (*Уходит.*)

Слуги приближаются, смотрят на Ивана и ждут распоряжений.

Иван

(Любе, низко кланяясь).

Что приказать изволит госпожа?

Люба

(важно).

Столы все огляди, скажи, так ли все уставлено. Плошки проверь, которые для люминации. Скажи, довольно ли масла. Да еще скажи *(тихо, с отчаяньем)*, скажи, как ты попал сюда, изверг?

Иван

(громко).

Столы в порядке. В плошки масла долить надлежит. *(Тихо.)* А попал не по своей воле, Любовь Карповна, разве бы я посмел?

Часть слуг идет доливать масло.

Люба
(громко).

Погляди еще посуду, погляди белье столовое
(Тихо.) Да погляди мне в глаза, лукавый!

Иван смотрит и сейчас же потупляет глаза.
То-то... Признавайся — твои сии выдумки?

Иван
(громко, остальным слугам).

Посуду еще протереть бы надлежало.

Часть слуг удаляется в глубину с посудой.
Скатерти на задних столах расправить!

Остальные слуги уходят в глубину.

(Любе.) А я только случай ухватил, боярыне шепнул — не помочь ли батюшке вашему по соседству да и поглядеть: если гости впрямь знатны, то и за ней послать.

Люба.

Да как ты такую дерзость без спросу моего произвести посмел?

Иван.

Жить не могу без тебя, госпожа моя!

Вступает музыка.

Ты — мой свет, моя кровь, одна отрада моя. Ведь в тот день, как ты в лесу за слободой заблудилась и меня ненароком встретила, я там от жизни моей горькой сук искал. Я тебя только на тропинку вывел, а ты меня от смерти увела.

Люба.

И на горе я с тобой там встретила, на несчастье нас лес тот свел. Я — богатого купца дочь, ты — строптивой боярыни раб. Извелась я за этот год. Что ж, так и будешь ночью под окнами вздыхать да днем через тын шептаться? Разве это любовь? По мне любовь — все возьми и все отдай!

1.

33086.
Нетю покоя усталым очам,
Нетю мне мочи томиться,
Счастья клочки воровать по ночам,
Днем изнывать и таиться.

Ах!

Разве любовь для того,
Чтобы бояться всего,
Чтобы встречаться украдкой,
Чтоб целоваться с отглядкой?

Иван.

Что же, как видно, лихая судьба
Жить нам назначила розно.
Вольная пташка, забудь про раба!

Люба.

Рада бы, милый, да поздно!

Сердце стучит и горит,
Сердце мое говорит:

Если любишь, будь смелее,
В чет и нечет не гадай,
Не скупись душой своею,
Все возьми и все отдай!

2.

И в а н.

Слушайся сердца, моя бирюза,
Сердце — хороший советник.
Если сегодня над нами гроза,
Солнышко завтра засветит.

А х!

Разве любовь для того,
Чтобы не ждать ничего,
Чтобы грустить, убиваться,
Чтобы судьбе покоряться?

Л ю б а.

Нету просвета у нас впереди,
Тучи насупились грозно.
Я — твоя гибель! Забудь и уйди!

И в а н.

Ласточка, рад бы, да поедно!
Сердце кипит и горит
(прижимает ее голову к сердцу),
Слышишь, оно говорит:

Если любишь, будь смелее,
В чет и нечет не гадай,
Не скупись душой своею,
Все возьми и все отдай.

Вместе.

Не скупись душой своею,
Все возьми и все отдай.

Люба.

Ступай... Идут...

Иван.

Ясочка, я сказать не успел: отец твой меня приласкал, к себе взять хочет.

Люба.

Быть того не может! Ох, радость бы!

Иван.

Да не отдаст меня боярыня, ни Антошка ее треклятый!

Люба.

Идут. Молчи...

Входит Смуров.

Иван

(довольно громко).

Как рыба.

Люба.

Молчи, говорю!

Иван
(еще громче).

Как рыба, госпожа, заливная или горячая будет?

Смуров
(подходя).

Заливная, заливная. (Любе.) Ну что, каков молодец?

Люба
(шопотом).

Уж больно расторопен, батюшка.

Смуров.

Это не грех! (Ивану.) Гм... Так не отдаст, говоришь, боярыня? Ну, а если отдала б, пошел бы ты ко мне?

Иван
(страстно).

Всей душой, всем сердцем служил бы, Карпий Семенович!

Смуров
(сияет).

Глянь-ка, Люба, как я ему приглянулся! Это дело. Меня все добрые люди любят.

Входит купец Жулев, поставщик мачт на царский флот. С ним его дочь Гликерия, до утрировки расфранченная «на иноземный манир» девушка лет двадцати. Она целуется с Любой, присев предварительно

Смурову. Движения ее почти карикатурны; от нового она взяла лишь доведенную до крайности страсть к иноземным нарядам и повадкам.

Жулев.
Мир дому сему!

Смуров.

Капитон Сидорович! Гость дорогой! Гликерия Капитоновна! Нижайшее наше! Хороша! Ай, хороша! Ну, спасибо, что не побрезговали бедным домишком моим.

Жулев.

Слышали мы про бедность вашу. Самого царского дьяка Акакия Плошихина со боярами сегодня принимаешь. Небось, все паруса распустил?

Смуров.

Моим парусам без твоих мачт — грош цена, Капитон Сидорович. Ну, Любаша да Гликуша, мы с гостем дорогим в горницу пройдем да по чарке на заправку выпьем.

Люба

(тихо отцу).

Только помните, батюшка, вы ведь пить не горазды, не захмелеть бы вам до гостей.

Смуров.

Я и совсем не собираюсь, так, пригублю. Мне сегодня вся трезвость нужна. Захмелеть сегодня — это не дело. Пошли, Капитон Сидорович, только чур — о делах ни слова.

Жулев.

Ни-ни. Вот они где у меня, дела-то.

Направляются к крыльцу.

Смуров.

То-то и оно. Так я и говорю: рязанская холстина — дрянь... Рядно.

Жулев.

Так и лес ведь орловский — труха.

Ушли.

Гликерия.

Ну, здравствуй, ангел мой. *(Тяжело дышит.)* Сколь фортуной взыскана... тебя в авантажном сем виде... самолично лицезреть. Ах!..

Люба.

Да что с тобой, Гликуша? Ты едва дышишь. Или несчастье какое стряслось?

Гликерия.

Одно только движение чувствования... Однако от убранства твоего в превеликую агитацию прихожу. Ох!..

Люба.

Разве что не по обычаю ассамблейному?

Гликерия.

Душа моя! А где ж фантажки кружевные? Пошто ролл брон столь мало расперт? Мушек на щеках не зрю... Ух! *(Шатается.)*

Люба.

Батюшка! Да с ней дурнота. Эй! Девушки!

Девушки подбегают к упавшей на скамью Гликерии и начинают ее обвевать. Одна прыскает в лицо водой. Гликерия, внезапно очнувшись, закатывает ей пощечину.

Гликерия.

Тварь дерзкая! Всю куафюру расстроила.

Девушка фыркает. Люба полусердито гонит ее жестом.

Люба.

Оправься, Гликуша, никак гости подъезжают. Да что с тобой?

Гликерия.

Ох! Усы! Усы!

Люба.

Какие усы? *(Девушке, тихо.)* Уж не бредит ли?

Девушка.

Зазноба с усами завелась, вот что.

Люба.

Ах, не томи, душа моя! Чьи усы тебя столь встревожили?

Гликерия.

Ох! Китовые... Тако в талию жестоко впимшись, что кровь в превеликом стеснительстве и дыха нехватает. Спердо...

Люба.

Смуровку сей же час распустить надлежит. Идем в горницу.

Глякериа
(отмахивается).

Ах! Быть тому невозможно. Пять девок полдня затягивать трудились и для верности все тесьмы восковой ниткой прошили. В час не распустишь, в два не стянешь!

Смуров
(выходя из дома с Жулевым).

Девушки! Идите гостей встречать!

Входят бояре, боярыни, боярышни, молодые люди. Впереди церемониймейстер ассамблей царевых дьяк Акакий Плющихин — бывший воспитатель, а ныне советник и собутыльник Петра.

Смуров
(низко кланяясь).

Кланяюсь низко, благодарю гостей дорогих за великий почет, зело вами взыскан...

Акакий.

Стой! Молчать! Правило... (Вынимает свиток.) Аз, ассамблейных действий церемониймейстер, всешутейшего собора провиантмейстер, царев дьяк ученый, Акакием крещеный, Плющихиным нареченный, за порядком наблюдать облаченный, оглашаю первое правило ассамблейное. Оно же таково: хозяин не повинен гостей ни

встречать, ни провожать, ни подливать, ни потчевать, а гостям на то хозяину не пенять. Мы сами о себе позаботимся! Уразумел?

С м у р о в.

Уразумел.

А к а к и й.

Врешь, не уразумел. Я, к примеру, не гость, а наставник. *(Выдержав паузу.)* До меня сие правило не касается!

С м у р о в.

Не касается?

А к а к и й.

Не касается.

С м у р о в.

Не гость?

А к а к и й.

Не гость.

С м у р о в

(догадавшись).

А коли не гость, не откажи, наставник любезный, сию чару принять. Твое питье любимое — грог голландский.

А к а к и й.

Вот теперь уразумел. *(Пьет.)*

И в а н

(тихо слуге).

Сенька, беги домой, скажи боярыне: гости знатности немалой. Самой, пожалуй, еще рановато, а боярыню молодому быть не мешало бы.

Сенька исчезает.

Акакий.

Ну, бояре, воссядем за столы да и начнем с богом Бахусом и внуком его российским Ивашкою Хмельницким превеликую баталью, дондеже не поляжем с почетом.

Все пьют и едят. Впереди четверо бояр мрачно переглядываются.

Первый боярин.

Глянь-ко... И ты здесь, боярин. А намедни говорил — не пойду к кушцу, да и мне отсоветовал.

Второй боярин.

А ты ж пошел? Да и семейство привел.

Третий боярин.

А как не пойти, коли Акакий сей настрого быть наказал? А он, хоть и пьявица, да ума палата, бывший воспитатель царский, вишь как царь его жалует!

Четвертый боярин.

Ну, и время!.. Пьяный дьяк боярам приказывает, русский царь с голландскими корабельщиками английский эль хлещет, а безродный купчина на всю Москву пиры задает.

Первый боярин.

А угощение, как посмотрю, царское.

Второй боярин.

Царское-то — царское, да как вспомнишь, чем царь мы-
не всю Русь православную угощает, так и в горло не
лезет!

Третий боярин.

Истинно так. Последние времена пришла.

Вступает музыка.

Первый боярин.

Останемся сиры, и босы, и голы,
Порушилось все, чем мы были горды.
Сначала обстриг на кафтанах нам помы,
А ныне добрался и до бороды.

Вместе

(плюют).

Тьфу...

В горло не лезет
Угощенье царское,
Кисло от меду,
Тошно от вина.
Гибнет Русь
Исконная, боярская,
Последние настали времена-а-а-а.

Второй боярин.

Бывало, цари, как икона в окладе:
Бояре накормят и рот оботрут.

А этот строгаеи, ворочает клади,
За всякий холопский хватается труд.

Вместе.

Тьфу...

В горло не лезет
Угощенье царское,
Кисло от меду,
Тошно от вина.
Гибнет Русь
Исконная, боярская,
Последние настали времена-а-а-а.

Третий боярин

Вино пошивали, жирели с доходу
И с суши не двигались мы никуды.
Так нет, вишь, он тянет Расею на воду!
А нас воротило всю жизнь от воды.

Вместе.

Тьфу...

В горло не лезет
Угощенье царское,
Кисло от меду,
Тошно от вина.
Гибнет Русь
Исконная, боярская,
Последние настали времена-а-а-а.

Четвертый боярин.

Сидели мы в думе, решали годами
Малейший указ и устав деловой.
Столетия мы управляли задами,
Так нет, вишь, он требует, чтоб головой!

Вместе.

Тьфу...

В горло не лезет
Угощенье царское,
Кисло от меду,
Тошно от вина.
Гибнет Русь
Исконная, боярская,
Последние настали времена-а-а-а.

Чистая перемена. Перед зрителем уголок сада близ калитки.

На авансцене появляется Гликерия. Она едва дышит и очень красна.

Гликерия.

Уф! Всего четыре звена оной осетрины чуть отведала... И опять дышать неспособно. А в скорости танцы заиграют... А у меня от толикого стеснения все фигуры минувета словно корова языком из памяти слизнула. Повторить разве втихомолку? *(Начинает неуклюже*

двигаться.) Раз-два-три! Ох, ноженьки не держат. Раз-два... (Шатается и падает прямо на входящего Антона Свиньина.)

Антон — наглый, расфранченный, смазливый молодой человек.

Антон

(спокойно подставляет руки).

Держу, падайте! (Зрителям.) Так и знал. Куда вы явлюсь, девицы в тот же миг сражены насмерть. А сия недурна... Бесспорно, дочь хозяйская. Токмо до-родна через меру. Подпереть бы чем!

Гликерия

(очнувшись, томно).

Ах... (Увидела, испугалась.) Ох!

Антон.

Не ужасайтесь, прелестная! Я хотя и знатен, но не горд, и чувства delicate ваши, в мои объятья вас приведшие, вполне уразуметь способен.

Гликерия.

Что вы, сударь? Одна нечаянность. Сие есть лишь слабость, от кружения головы и стеснения в груди происходящая

Антон.

Не изъясняйтесь далее. К сему давно привычен, что лицемерие меня девицам голову кружит и стеснение в груди производит. Не всякой, разумеется, отвечаю,

но что до вашей персоны касаемо, то великое желание к знаемости вашей получил.

Гликерия.

Ах, судары! Куплемент сей столь поспешен, что веры ему дать никак не можно. Нет, нет, сие есть один лишь политес и галантерия.

Антон.

Отнюдь! Поспешность оная вполне натуральна. Узря ваши красы, мне для приведения себя в любовь лишь краткое время потребно.

Гликерия.

Пощадите, сударь. От таковых речей амантных я вся аж взопрела. Тем наипаче, что вы мне нимало не знаемы.

Антон.

Так познаем же друг друга без промедления! Кто вы, мне доподлинно ведомо, я же есть единое чадо знатнейшего и именитейшего на Руси рода боярского, короче — сам Антон Свиный! Держу, падайте!

Гликерия.

Ах!

(Падает в его объятья.)

Антон.

Вот что значит род и знатность!

Гликерия
(томно).

Вот что значит красота!

Вступает музыка.

1.

Антон

Разит амурова стрела,
И нет защиты от удара.

Гликерия.

Сама фортуна нас свела,
Решив, что мы с тобою пара.

Антон.

О, эти дивные красы
Мое составить могут счастье.

(Сжимает Гликерию в объятиях.)

Гликерия.

О, эти китовы усы!
Я вся изрезана на части!

Антон.

Так рази, стрела Амура,
И к усладам нас зови.

Гликерия.

Видно, так велит натура:
Без страданья нет любви.

А н т о н.

Вы — волшебная приятность.

Г л и к е р и я.

Вы — прелестная мечта.

А н т о н.

Вот что значит род и знатность!

Г л и к е р и я.

Вот что значит красота!

2.

А н т о н.

Везет тебе, моя душа,

Я и пригож и родом знатен.

Г л и к е р и я

Я столь отменно хороша,

И разговор мой столь приятен.

Ну, приласкай меня еще,

Шепни «люблю» своей голубке...

(Прислоняется к Антону.)

А н т о н.

Не опирайтесь о плечо:

У знатных кости очень хрупки.

В м е с т е.

Так рази, стрела Амура,

И к усладам нас зови.

Видно, так велит натура:
Без страданья нет любви.

А н т о н.

Вы — волшебная приятность.

Г л и к е р и я.

Вы — прелестная мечта.

А н т о н.

Вот что значит род и знатность!

Г л и к е р и я.

Вот что значит красота!

Чистая перемена. Снова место пиршества. Пир в разгаре. Бояре о чем-то свирепо спорят.

Первый боярин.

Это ты-то?

Второй боярин.

Да, я!

Первый боярин.

Это твой-то?

Второй боярин.

Да, мой!

Первый боярин.

Слышали, бояре? Это его-то род моего знатнее? Да твой дед моего в сани подсаживал!

Второй боярин.

Ан я спутал. Это твой дед перед моим шатку ломал.
(Третьему боярину.) Помнишь, боярин?

Третий боярин.

Точно не упомяну. Одно помню: оба ваши деда у моего пращура бородами крыльцо мели. *(Четвертому.)* Верно, боярин?

Четвертый боярин.

Это когда же было? Когда твой пращур при моем в шутах состоял?

Третий боярин.

Ах, ты вон как? А ну, глянь мне в глаза. Тьфу! *(Плюет на боярина.)*

Четвертый боярин.

Бей!

Все четверо бросаются друг на друга. Общая свалка.

Смуров

(бегает вокруг).

Бояре! Бояре! Ну, что тут поделаешь? Да подсобни же, Акакий Львович!

Акакий

(не отрываясь от чары).

Это которому же подсоблять?

Смуров.

Да не которому, а мне. На мою же голову срам.

Акакий.

Ах, тебе? Сейчас. *(Ищет кого-нибудь глазами, находит Ивана.)* Эй, малой! Хватай того жирного поперек тулова. А ты, купец, вон этого за волосыя.

См у р о в.

Как можно!

А к а к и й.

Стой! Молчать! Правило! Царев указ: «Всякое шумство на ассамблее унимать словесно, а буде не уймется, то ручню, на сан не гляючи». Хватай!

См у р о в.

Вишь ты... Это дело! *(Тянет боярина за волосы, тот визжит.)* Не взыщи, боярин, царев указ, царев указ!

Бояр разнимают.

Первый боярин
(сидясь, спокойно).

Уф!

Второй боярин.

Ох!

Третий боярин
(четвертому, миролюбиво).

Ты бы полегче...

Четвертый боярин
(ласково).

А ты куда бьешь? Разве так показано?

См у р о в.

Ну, вот и мир. Рад и счастлив. Кушайте, дорогие гости. Ох! Запamитовал, угощать-то не велено.

А к а к и й.

Штраф! Штраф! *(Громко.)* Государи мои, внимать про-

щу, — за проступок противу правила купец Смуров
штраф пьет! Мой прог. Пробуй!

С м у р о в.

Помилуй, Акакий Львович. Я же непьющий! — Да мне
после него сразу под стол!

А к а к и й.

Сразу — не сразу, но во благовремении! Небось, тог-
да и я с тобой упаду. Пей. Я за все отвечаю.

С м у р о в.

А коли так, за царя Петра Алексеевича. Ура!

Б о я р е

(кисло).

Уря-а-а...

А к а к и й.

Музыка! Минует!

Музыка начинает, но по знаку Акакия обрывается
Стой! Молчать! Правило: «Кавалерам дамских персон
с любоврастием не хватать, а вертеть с любезностью
и прираством». Уразумели?

В с е.

Уразумели!

А к а к и й.

Вот теперь давай!

Вступает менуэт.

Любушка, пока ноги меня держат, ты со мной в пер-
вой паре.

*Идет менуэт. Его танцуют с непривычки смешно и не-
уклюже под русские мотивы роговой музыки.*

Из первой кулисы по авансцене спиной к зрителю пробирается стройный молодой человек в военной форме. Видно, он ищет кого-то в этой толпе. Все еще спиной к зрителю он, помимо воли, попадает в круг, внезапно образовавшийся при новой фигуре танца. Круг этот скрывает его от зрителя, до сих пор не видевшего его лица. Внезапно раздаются женские крики. Круг раздвигается, и молодой человек остается в его центре уже лицом к зрителю. Это негр Ганнибал. Черты его лица благородны, манеры сдержанны, выправка превосходная.

Боярыни и бояре.

Свят, свят, свят!..

Гликерия

(чуть не столкнувшись с Ганнибалом).

Ах! Чорт! Чорт! Вельзевул! (Шатается и хочет упасть на руки Антона.)

Антон

(дрожа).

Н-н-н-е держу, и — не падайте! Иван! Подхвати!

Иван подхватывает Гликерию.

Смуров

(Акакию).

Говорит я тебе — велика чарка. Вон что привиделось. (Показывает на Ганнибала.)

А к а к и й.

Очнись, купец. Да это же... *(Шепчет на ухо.)*

С м у р о в.

Вишь ты! Это дело. Так это значит он?.. А я думал, до чортиков напоили.

Л ю б а.

Подойдите же, батюшка, скажите хоть слово. Неловко... Конфузия...

С м у р о в.

Ох, Любушка, боюсь...

Л ю б а.

Чего бояться? Ведь и он — человек.

С м у р о в.

Да не его боюсь, а штрафу!

Л ю б а.

Ну, так я сама. *(Смело подходит к Ганнибалу и делает реверанс.)* Добро пожаловать, сударь! О персоне вашей много наслышаны и гостем вас видеть за удовольствие почитаем.

Г а н н и б а л.

Благодарю от души за ласку. *(Тихо.)* И за смелость. Не часто девицы, личность мою увидят...

Л ю б а

(любезно перебивает).

Не сетуйте, сударь, на дикость. Она волей государевой скоро спинет. *(Громко.)* Сударьни! Сие — царский кре.

стник Ибрагим Петрович Гаднибал ассамблею нашу поселить удостоил. Просим любить да жаловать. Пройдемте к отцу, сударь.

С м у р о в

(тихо).

А как он, Акакий Львович? Не того — не линяет? Как бы Любушку не измазал. Ведь она же вся в белом...

А к а к и й.

Ну, брат, ты, я вижу, штрафов платить неспособен. Пить тебе зело не можно. Это ты слинял, а его сама натура на совесть выкрасила.

Г а д н и б а л

(подойдя к Смурову, вежливо).

Карпию Семеновичу господину Смурову государь Петр Алексеевич привет свой шлет и просьбу немалую: не отказать принять гостями голландских шкиперов и судостроителей, кои изжидивением царским на Воронеже суда строят, а ныне в Москву прибыли.

С м у р о в

(заплетаясь).

Господи! Царевы гости! Акакий Львович, сделай поблажку, хоть их-то встретить дозвошь.

А к а к и й.

Встречай, чорт с тобой! Все равно к штрафу ты более неспособен.

С м у р о в.

А как я с ними изъясняться буду? Ведь они, чай, по-русски лыка не вяжут.

А к а к и й.

А ты вяжешь? У тебя, брат, сейчас с ними как раз одно на одно и выйдет.

Г а н н и б а л.

Имею к тому донести, что за два года сии мастера изрядно по-русски понимать научились.

С м у р о в.

А что они пьют?

А к а к и й.

Они, вроде меня, zelo прог любят.

С м у р о в.

Расчудесно! Грогу хватит на десятерых. ведь я его для тебя готовил. Да где ж они?

Г а н н и б а л.

На гостеприимство ваше, сударь, уповая, за мной незамедлительно следуют.

С м у р о в.

Так идем же встречать. Ох, в голове шумит... Это не дело.

С м у р о в, А к а к и й, некоторые из гостей направляются к воротам. Иван, по приказанию Антона, хлопочет над еще не пришедшей в себя Гликерией.

А н т о н
(Ивану).

Маши, маши на нее. Да не так, дурацкая башка! (Дает Ивану пощечину.)

Люба вскрикивает и закрывает лицо рукой.
Ганнибал выступает вперед и дрожащим от гнева голосом обращается к Антону.

Г а н н и б а л.

Стыдитесь, сударь! Имени вашего не ведаю, но столь непросвещенные поступки извольте дома и над своими людьми производить, коль без того не можете, а отнюдь не в обществе публичном и при благородных дамах!

Антон отступает и меряет Ганнибала взглядом с головы до ног. Круг гостей подступает ближе.

А н т о н.

Имя мое есть истинно русское имя: зовусь Антон Свиныин из древнейшей и знатнейшей фамилии, что некоторым без роду и племени темным персонам ведать надлежало бы. А человек сей и есть мой собственный холоп, на картуз табака выменянный. Немудрено посему, что и защиту получает от лица, за боченок рому купленного!

Б о я р е
(смеются).

Ловко!

Г а н н и б а л
(тихо и угрожающе).

Увидеть в надежде, так ли вы храбры противу волна царского, как противу сего беззащитного.

А н т о н.

За дерзость сию сам бы сатисфакции требовал, но с рабами не дерусь!

Ганнибал хочет броситься на Антона. Люба мягко его удерживает.

Л ю б а.

Сударь, остановитесь! За поступок ваш благородный примите дружбу мою, если дружба девушки простой для вас что значит. С этим же — ни слова более. Идем гостей встречать. *(Берет Ганнибала под руку, бросает долгий, глубокий взгляд Ивану, глядящему с восторгом на нее и на Ганнибала, и проходит к воротам.)*

Антон, опешив, грозит кулаком вслед Ганнибалу. Иван, спохватившись, опять наклоняется к Гликерии.

Г л и к е р и я
(очнувшись, открывает глаза и видит Ивана).

Ах! Какой авантажный!

А н т о н.

Пустяки, мон анж. Мой холоп из мужиков. Пожалуйста руку вашу, краткий променад по саду на щечки сии вновь румянец вернет... *(Уходит с Гликерией.)*

И в а н .

Волю бы мне! Волю!..

Издали, приближаясь, доносятся звуки песни, которую с закрытым ртом, без слов, напевают веселые новые гости — голландские шкиперы и жудостроители. Вскоре они входят, чуть покачиваясь, дружной группой, в обнимку.

Шкиперы.

Трум-ту-трум! Трум-тум-тум!
Трум-тум! Трум-трум!

Смуров

(сильно хмельной).

Милости прошу! Гости дорогие! Рад и счастлив! Ска-
тертью дорога! Ох, что я говорю. Шире ворота, вот что.
Рад и счастлив. Вот бог, а вот порог. Тьфу... То есть
вот прог, а вот широг. Все мое—ваше... ваше... в-аше. !
*От группы шкиперов отделяется человек, не узнать
которого не может даже хмельной Смуров. Общее вол-
нение и заглушенный шопот нарастают. Бояре спешно
выхватывают из широких рукавов и из-за обшлагов
мятые парики и напяливают их на себя, кто как может.
(Стараясь скрыть свое опьянение, преувеличенно низко
сгибается в поклоне.) Ваше.. ва-ше ваше величество,
государь-батюшка, Петр Алексеевич! Люба, скорей
парик!*

*В течение дальнейших реплик Смурову приносят парик,
который он надевает задом наперед.*

С м у р о в.

Ваше величество!..

Петр топает ногой.

А к а к и й

(смело подходит к царю).

Штрафной, Питер. Не взъщи. Не в себе. Не ждал он тебя и приказу не знает. *(Кричит.)* Стой! Молчать! Правило: «На ассамблеях персону государеву ничем от прочих не отличать, неже титуловать, а именовать партикулярно, на голландский манер — «господин Питер». Уразумел?

С м у р о в.

Уразумел. Валяй, садись, Питер. *(Тихо.)* Господи! Это я царю-то! *(Крестится.)*

Петр треплет Смурова по плечу, поправляет ему парик и, обернувшись к шкиперам, делает дирижерский знак рукой. Песня без слов возобновляется. Новые гости во главе с Петром садятся за столы. За ними садятся и все остальные.

Ш к и п е р ы и П е т р.

Трум-трум-пру-трум-тум!

Тум-трум! Трум-тум!

А к а к и й.

Ты что же это, Питер, с голландцами своими языка лишился? Соизволь-ка сию песню со словами петь, я ее ведаю, она добрая!

Петр поворачивается к шкиперам. Те, отрицательно

качая головами, бормочут. Петр поворачивается к Акакию и также отрицательно бормочет.

Шкиперы и Петр
(продолжая).

Трум-трум-трум-тум-тум...

А к а к и й.

Стой! Молчать! Правило *(махнет перед лицом Петра свитком)*: «Которое лицо за ассамблейным порядком наблюдать поставлено, того лица всем гостям без исключения и прекословия слушаться надлежит». Извольте же, господа шкиперы, сию чудесную голландскую гишторию петь не себе в утробу, а всей кумпании на удовольствие. Уразумели?

С м у р о в.

Ох, Любушка! Слыхала? На царя кричит. Что-то будет?

Петр переглянулся со шкиперами, которые что-то одобрительно буркнули и кивнули головами.

П е т р.

Уразумели, господин церемониймейстер. *(Встает и кланяется ему.)*

Шкиперы и судостроители также поднимаются и кланяются Акакию.

Ван-Блазиус! Начинай сначала, а мы подтянем.

ГОЛЛАНДСКАЯ МОРЯЦКАЯ

1.

В а н-Б л а з и у с.

Двадцать два матроса,
Юнга и кок,
Все рыжеволосы,
Плыли на восток.
Трое суток буря выла,
Палубу водой покрывало,
Шкипера волною смыло,
Боцмана доской убило.
Но плывут, держась за тросы,

В с е

(хором).

Всемогущий бог!
Двадцать два матроса,
Юнга и кок.

Поют без слов.

2.

В а н-Б л а з и у с.

Новый шквал пронесся,
Голод стал жесток,
Съели альбатроса —
Только на зубок.
А потом они, бедняжки,

Съели куртки и рубашки,
Съели башмаки и пряжки
И погибли близ утеса,

Все

(ужасным шопотом).

Всемогущий бог!
Двадцать два матроса,
Юнга и кок.

Поют без слов.

3.

В а н - Б л а з и у с
(весело).

Плыл из Барбадоса
Клипер «Мэри Смок»,
На него без спроса
Вдруг акула — экок.
Всю команду ужаснуло:
До чего ж ее раздуло!
Режут брюхо, режут скулы,
И выходят из акулы
Все рыжеволосы,

Ш к и п е р ы
(в восторге).

Всемогущий бог!
Двадцать два матроса,
Юнга и кок,

Все

(широко и сентенциозно, на полном серьезе)

Никто, как бог ¹.

После выдержанной паузы — хохот. Шкиперы танцуют матросский джиг.

Петр.

Ну, здорово, купец! Не взыщи, что без зова явился. А!.. Жулев! И ты здесь? Изрядно. Эй, мастер Гервасий! Вот тебе и подрядчики наши: это поставщик парусов Карпий Смуров, а вот этот...

Гервасий.

О, каспадин Смурофф! Фаш парус есть очень карош! С фаш парус мощна фокрух сфет плаваль. Я фас сей-час буду обнималь!

Шкиперы.

И я! И я!

Смуров.

Обнималь? Это дело!

Объятья.

Ван-Блазиус.

Фи есть один шестный торговец, каспадин Смурофф!

Жулев тоже протискивается вперед.

¹ Наилучшим решением этой песни автор считает изображение шкиперами каждого куплета, то есть сопровождение песни пантомимными, крайне условными жестами.

Фи не есть, как тот распойник, который мне мачт стафит. Я тепе, Питер, еще не жаловался: каждый пятый грот кнчлой или крифой...

Жулев быстро ныряет в толпу.

Петр.

Жу-лев! Жу-лев! Подойди! *(Его глаза гневно расширяются, он начинает часто дышать. Говорит сначала тихо и медленно, потом все более распаляясь).* Ты что же это? Ополлоумел? Не ведаешь, какое дело обкрадываешь? Я годами на этих вот руках мозоли натираю, сам в воде по колени флот российский на воды завоеванные спускаю... А ты? Карманы набиваешь? Гнилье сплавляешь?.. Брюхо свое... *(Хватает Жулева за ворот и трясет его.)*

Шкиперы.

Не-не, Питер! *(Недовольно ворчат.)*

Акакий.

Полно тебе, Питер! Здесь не подобает. *(Шопотом.)* Ты его лучше завтра у себя приватно отта McKay.

Петр.

Вор! Вор! *(Снова вцепился в Жулева.)*

Ганнибал хочет вмешаться. Но в это мгновенье Иван, твердым шагом подойдя к Петру сзади, почтительно, но крепко обхватывает царя за плечи, сковав его движения.

Петр
(бешено).

Пусти! Кто там? Пусти!.

Иван продолжает держать.

Пусти! (Другим, тихим, но не допускающим прекословия голосом.) Ладно... Все... Пусти!

Иван отпускает Петра. Гости застыли. Петр и Иван молча стоят друг против друга.

Ты кто? Чей?

Антон
(Ивану шопотом).

Молчи, тварь подлая! Меня назовешь, заporю до смерти.

Петр
(медленно).

По какому домыслу меня коснулся? Правду говори.

Иван
(спокойно и твердо).

По указу государеву. В таком же сказано: «На ассамблеях всякое шумство унимать словесно, а буде не уймется, то и ручно».

Петр
(после паузы).

Гм... Но как же ты дерзнул над персоной государевой сие произвести?

И в а н.

По указу же, а в такомом сказано: «На ассамблеях персону государеву ничем от прочих не отличать».

П е т р.

Так... Где и когда правила выучил?

И в а н.

Здесь. Сейчас слышал. Запомнил.

П е т р

(*потирает плечи*).

И крепко запомнил. Вольный?

И в а н.

Холоп. Ключник.

П е т р.

Так... Ну, Карпий Семенович, ключник у тебя предерзостный.

Антон делает Ивану знак не выводить циря из заблуждения и о том же умоляет жестами Смурова.

Предерзостный. Но законник превеликий и орудовал по правилу и на пользу, и на том ему спасибо! У тебя, Смуров, не токмо паруса, но и слуги, видать, изрядные.

А н т о н.

(*с воплем*).

Мой! Мой! Мой это слуга, господин Питер! Это я, я его вышколил, я и успокоить тебя ему повелел!

Петр.

Вот как? Что ж ты сам не ратовал, а слугу подослал? Оно, впрочем, где тебе противу меня? Хиловат... и хляпок. Имя?

Антон.

Антон Свинын.

Петр

(радостно).

Боярина Якова Петровича покойного сынок?

Акакий.

Он самый, господин Питер. Стой! Примечание: они Смурову соседи.

Петр.

Отец твой нужный и редкий человек был! Государственность понимал. Таких в боярстве шаперечет. Поди сюда! (Целует его.) Матушка твоя Неонила Варфоломеевна здравствует?

Иван что-то тихо шепчет Сеньке, тот исчезает.

Антон.

В полном здравии пребывает.

Петр.

Что ж ее здесь-то не видно? Так, так... Уж не купеческого ли угощения гнушается? Ну да, вы — соседи. Дело исправимое. Послать за ней!

Иван.

Уже послано, господин Питер. Сейчас быть изволит.

Петр.

Да он у тебя и совсем молодец. Ты, брат, его береги да люби.

Антон.

Души в нем не чаю, государь. Пуще зеницы ока берегу и всяческую ласку оказываю.

Ганнибал многозначительно кашляет.

Петр.

Что с тобой, Ибрагим? Поперхнулся? Осторожней пей, тем паче перед отъездом! Жулев! Сиди! За дела в другом месте ответишь. Здесь ты — гость. На горячку мою не пеняй и не гневайся.

Жулев.

Какой гнев, государы! Жизнь за тебя отдам, да ведь ты рассуди: где лес брать? Хороший весь в боярских вотчинах. Взять хоть вон их леса... *(Показывает на Антона.)*

Антон

(грозит пальцем).

Ну, ну! наших лесов тебе не взять!

Петр.

Молодой кавалер, тебя девицы зело заждались. Их без куртуазии долго оставлять неполитично.

Антон отходит к Гликерии.

И-да... Покуда боярство это перемелешь да на пользу

наставишь, семь жизней прожить потребно. Породнить их с купцами надо бы. Вот что...

Люба

(подойдя с подносом).

Не угодно ли пирожка, господин Питер? Сама гостей ради замесила.

Смуров.

Попалась. Угощает. Шпраф.

Петр.

Врешь. Даме прелестной отказу быть не возможно. Дочь твоя, Картий?

Акакий.

Что дочь — не в том суть! Примечание: моя ученица. Письмо и цифирь не хуже дьяка знает.

Петр.

Хвала ученице, да и учителю, коли так... Спасибо, красавица...

Люба отходит.

(Смотрит ей вслед.) Хороша и скромна. Гм... А ежели?.. *(Антону.)* Эй! Молодой кавалер! Поди-ка сюда! Девкам слишком долго куртуазию делать неполитично. А ну, доложи, господин Свиньин, чему обучен?

Антон.

Всем наукам дворянским, какие есть. Охоте псовой, вокабуле французской, игрищам в кости, шести молитвам и политесу.

Петр.

Ух, как много! А еще чему?

Антон.

А я, господин Питер, как матушка овдовела и хозяйство на моих плечах, того ради за недосугом и по малолетству еще других наук не превзошел.

Петр.

Хозяйство, истинно, забота немаловажная. Ну, малолетний, как же у тебя в подмосковной? Урожай ныне хорош. Какова уборка?

Антон.

В полном благополучии, к окончанию приходит. Огурцы уже в снопы повязали, одну капусту скосить осталось, да ожидаем — еще не довольно кисла.

Петр.

Ай, молодец! А я-то, признаться, полагал, что хозяйством сама боярыня вдовая ведает.

Антон.

Все я, государь. Матушка токмо под моей волей и ходит.

На этих словах в старом русском платье плавно входит боярыня Ненила Варфоломеевна. Она степенна, горда, статна — олицетворение старой, боярской, допетровской Руси.

Ненила

(громко).

Ан-тон! Ан-тон! Поди сюда!

А н т о н
(сразу сник и сжался).

Слушаюсь, маменька. Иду, маменька.

Н е н и л а.

Ты что же это государю на меня брешешь?

А н т о н
(тихо).

Матушка, не зовите царя государем. Он здесь — «господин Питер».

Н е н и л а
(громко).

Кому «господин Питер», а мне — царь всяя Руси. Здравствуй, батюшка Петр Алексеевич!

П е т р.

Здравствуй, матушка Неонила Варфоломеевна! Что ж сынка-то мало обучила? Как он мне теперь служить будет?

Н е н и л а.

Как и отец его покойный, — верой и правдой, государь.

П е т р.

Они зело полезны, вера да правда, токмо к ним еще наука на придачу полагается. И отец его покойный сие доподлинню ведал. Ну, что ж, собирай сына, мать!

Н е н и л а.

Куда это, государь?

Петр.

В Европу!

Ненила.

Куда?

Петр.

Во Францию, в славный град Париж, в школу навигацкую. Завтра молодых сынов дворянских туда отправляю, научения ради. Мне, мать, капитаны нужны, так уж сделай милость, одолжи сынком.

Ненила.

Уволь, государь. В такую даль!

Акакий.

Сказала тоже. Да эта Европа от нас тут сейчас же за углом и налево.

Ненила.

Он у меня слабогрудый да тихой. Из-под материнской воли еще ни шагу не ступал. Пропадет...

Антон.

Ни шагу не ступал! Пропаду!

Петр.

Как же пропадешь? Ты вон и вокабулу французскую кстати знаешь.

Антон.

Да я еще нетверд в своей вокабуле. Токмо пять словес доселе изучить успел.

Петр.

А ну, какие?

Антон.

«Манже», «бюве», «вуй», «нон» и «амур».

Петр.

Ну, брат, тебе для первого обзаведения во Франции сих пяти слов и через голову достаточно! С ними там не пропадешь. Особливо с амуром.

Ненила.

Уволь, государь. Много ли мне на него радоваться? Долгота дней моих ненадежна.

Петр.

Пережить-то ты меня переживешь, а вот переспорить — не переспоришь. Как сказал, так тому и быть.

Ненила

(Тихо).

Ох, беда! Как умолить-то его и не ведаю! (Антону, так же.) Как он себя звать-то велит?

Антон

(тихо).

Господин Питер!

Ненила.

(громко).

Батюшка! Смилуйся, господин Питер!

Петр.
(строго).

Кому господин Питер, а тебе царь всея Руся! Довольно! Хватит! (Встает) Антон Яковлевич, боярский сын Свиныин! Завтра рано поутру извольте прибыть в приказ, что в Сухаревой башне, при полном дорожном снаряжении. Оттоле пополудни со сверстниками своими в путь-дорогу отбудете. Одни из оных сверстников и сотоварищей ваших здесь налицо. Прошу знакомство свести, друг друга любить и жаловать. Ибрагим! Подойди! Обнимитесь!

Ганнибал обнял Антона.

Так... И в добром согласии учение совместно производите. С остальными в пути сойдетесь. Я сам всех завтра до заставы провожу. Расходы все казна на себя берет.

Акакий.

Слыхала, мать? За все царь платит! И за манже, и за бюве, и за амур. То-то погуляют молодцы!

Петр.

А чтоб сего не было, ты, господин церемониймейстер, с ними отправишься, благо язык изрядно знаешь, и за ученье и за расходы мне ответишь.

Акакий озадаченно чешет затылок.

Антон.

Матушка! Да что ж это? Заступитесь, матушка!

Ненила.

Государь! Дай сроку хоть годок подрасти. Не лишай
вдсы опоры сыновней. Он мне по хозяйству зело на-
любен.

Петр.

Это кислую-то капусту косить? Нет, мать, он тебе ны
не не опора, но обуза. А вернется капитаном, под-
линной опорой будет. Не из таких еще оболтусов наука
людей делала. А здесь я ему уж и капитаншу пригля-
дел. Жениться хочешь?

Антон.

Хочу! Жениться я хоть сейчас готов.

Петр.

Ну, сперва научись, а потом женись. Ты, мать, не го-
рюй. Капитанша твоему капитану добрая будет да бо-
гатая: хозяйина нашего дочь.

Смуров

(падает ниц).

Государь батюшка! Благодетель!

Петр.

(тихо).

Не идолопоклонствуй перед гостями иноземными, срам!
(Нениле.) Что скажешь, мать?

Ненила.

Чтоб сын боярина Свиныина да на купца безродного
дочери женился — тому не бываты!

Петр

(грозно).

Ан и бывать! Сие моя воля! Хватит вам, боярам, от нужных людей отгораживаться! *(Мягче.)* А ты что скажешь, молодец?

Антон

(уверенный, что речь идет о Гликерии).

А то, государь, что она за меня хоть и сейчас пойдет. У меня с ней все уже слажено.

Петр.

Быстро! Ты ведь здесь, чай, впервой? Слышал, купец? Какую над дочерью твоей викторию одержали?

Смуров.

Ох, Питер, греха таить нечего... Сегодня токмо узнал: давно она к нему склонна, люди добрые сказали... Один отец слеп был!

Иван слушает с возрастающим недоумением и волнением.

Петр.

Вот и чудесно! Однако саму невесту спросить надо. А ну, чтоб девицу не смущать, я сам с ней поговорю. *(Находит Любу в толпе гостей и отводит ее на авансцену.)*

Петр

(говорит на музыке).

Не бойся, Люба, ничего,
Ответь мне честно.
Мне тайна сердца твоего
Известна.

Люба

(в волнении).

Известна?

Петр.

Избраннык твой в науке не силен,
Он в темноте, непросвещен...

Люба утвердительно кивает головой.

Я ваше счастье устрою,
Я путь большой ему открою:
Он славный станет капитан!

Люба

(тихо).

О, мой Иван!

Петр.

И, воротившись из ученья,
Познавши благо просвещенья
На пользу родины своей,
Тебе зело покажется милей.

Ответствуй коротко и ясно:
Согласна ль ждать его?

Люба.

Согласна!

Петр

(целует Любу).

Хорош ответ. Ступай.

Люба в радостном волнении отходит. Петр возвращается к столу.

Изрядные дела,

Она согласие дала.*

Иван, никем не примеченный, шатается.

А как ий.

Ура! За будущую пару
Заздравную поднимем чару,
Чок-чок!

Петр.

Пьем и — молчок.

Пока его не кончится наука,
О сем ни слова боле и ни звука.

Пение переключается на мелодраму. По знаку царя Иван подносит вино, рука его дрожит, кубок со звоном падает.

Эй! Законник! Что с тобой? Да он не в себе.

И в а н

(в отчаянии падает ниц перед Петром).

Государы! Милости великой прошу! Боярыня, дозволю холопу твоему с господином в чужие края отбыть. Мне здесь не жизнь будет ныне, сердце на часту рвется, свет затмился. Отпусти, государь.. *(Плачет.)*

П е т р.

Глядите, бояре! От хозяина ни на шаг! Сие есть любовь преданная. Если бы я в вас столь усердных слуг имел, как Антон в сем слуге, с превеликой легкостью замыслы бы свои подвигнул.

Добро! Никто ему в сем не мешай!
Боярыня! Хозяйка — ты. Решай!
Таковую верность сыщешь ли в Европе?

Н е н и л а.

Ты — царь! Ты есть над нами господин.
Уж коль от матери родной отторгнут сын,
Она не станет плакать о холопе.

(Спешно уходит с сыном.)

А к а к и й

(вслед).

Не сетуй, матушка! Вернет сынка Париж.
Сама царя же поблагодаришь!

Петр
(Ивану).

Законник! Марш домой и до зари
Хозяина в дорогу собери!

*Иван, как безумный, бежит к выходу. На авансцене
его встречает счастливая Люба.*

Люба.

Иван! Мой любимый! Куда же ты?

Иван.

Прочь!

Бегу из постылого места.

(Горько.)

Живи-ка счастливо, купецкая дочь,
Боярского сына невеста!

Люба.

О чем говоришь? Ничего не понять!

Иван.

Пируй же, красавица, с ними!
Ты сердце холопа легко променять
Сумела на знатное имя.

(Отстраняет Любу.)

Люба.

Скажи хоть, какая за мною вина?
Какая стряслась перемена?

И в а ц.

Прощай! И вся жизнь мне отныне черна,
Как черная эта измена!

(Убегает.)

Лю б а.

Голова кругом идет. Каждое слово его, как нож острый. Куда он? Что случилось?

С м у р о в

(скончательно охмелевший, приплясывая, подходит к Любе).

Ах, ты, дочка, дочка, дочка,
Ну и счастье, ну и ночка!
В чистом небе ясный гром!
Ах, ты, Люба!

Люба, Люба!

То-то радостно да любо,
Кем просватана? Царем!

Лю б а

(на музыке).

Батюшка! Страхните хмель! От сего мгновения вся жизнь моя зависима. Отвечайте, за кого меня государь просватал?

С м у р о в

(приплясывая).

Ах, ты, хитрая,
Коварнейшая дочь!
Над отцом шутить,
Проказница, непрочь.

За кого скажи ей?
Вот тебе и на!
(Успокоительно).

За любовь твою —
Антон Свиньина.

Люба, как подкошенная, опускается наземь. Смуров растерян и испуган. С него сразу слетает хмель.

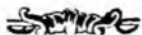
Люба! Любушка! Что с тобой? Доченька... Очнись! Очнись...

Пауза. Тишина, и вдруг в нее под бурную музыку врываются раскаты смеха пирующих и хор захмелевших голосов.

Хор.

Двадцать два матроса,
Юнга и кок,
Все рыжеволосы,
Плыли на восток.
Трое суток буря выла,
Палубу водой покрыло,
Шкипера волною смыло,
Боцмана доской убило.
Но плывут, держась за тросы,
Прямо на восток
Двадцать два матроса,
Юнга и кок.

З А Н А В Е С

А К Т В Т О Р О Й

Перед поднятием занавеса — музыкальная интродукция, предполагающая веселую, предпраздничную суету на сцене. Идет занавес.

Сцена представляет собой двухсветную залу-столовую в гостинице «Лев и Кастрюля», которую содержит мадам Ниниш, разбитная и пышная трактирица, лет 38—40. Внизу столовая со стойкой, тяжелыми столами, на задней стене «герб» заведения: лев с кастрюлей. На высоте двух человеческих ростов зала окаймлена узенькой галлереей, на которую выходят двери отдельных комнат второго этажа. Лестницы с двух сторон галлерей ведут на авансцену.

Под музыку интродукции поварята проносят перед мадам Ниниш блюда со снедью, которых она из-за высокой стойки окидывает критическим оком. Внезапно в музыку вплетаются элементы бурного спора, и из кухни стремительно выбегает разъяренный шеф-повар месье Мутон — жирный

смуглый человек с серьгой в ухе. Он тащит за шиворот своего младшего помощника, изящного, белокурого Кеке. Тот упирается.

М у т о н.

Мадам! Я снова сообщаю,
В последний раз, что я погиб!
Я ни за что не отвечаю,
Пока на кухне этот тип.
Томатный соус

он вылил в тесто.

Фазаний хвост

он общипал.

К чертям его, или от места
Я откажусь, чтоб я пропал!

Н и н и ш

(выйдя из-за стойки и всплеснув руками).

Но постыдитесь же! Какое поведение!
Месье Кеке! Месье Мутон!
В моем солидном, первоклассном заведении
Недопустим подобный тон.
Вы с каждым днем вульгарнее и хуже!

(Подняв глаза к небу.)

О, где вы, два моих покойных мужа?
Когда б из гроба вы восстали на яву,
То вновь скончались бы, конечно,
Узрев, как вечно бессердечно
Здесь обижают вашу верную вдову!

(Притворно рыдает.)

К е к е.

Пардон, мадам!

М у т о н.

Пардон, мадам! Вы правы!

Н и н и ш.

Так за плиту, для нашей общей славы!

М у т о н.

Нашей славы...

К е к е.

Нашей славы..

ПЕСЕНКА О КАБАЧКЕ МАДАМ НИНИШ

1.

Н и н и ш.

Наша слава с каждым годом

Будет крепнуть и расти.

М у т о н.

«Лев с Кастрюлею» над входом

Приглашают всех войти.

Н и н и ш.

Обойти хотя полмира...

К е к е.

Даже больше, весь Париж!

В м е с т е.

Не найти нигде трактира,

Как трактир мадам Ниниш.

М у т о н.

Где лучшее рябчиковое пюре?

Н и н и ш.

Где можно клубнику найти в январе?

К е к е.

Где устриц холодных дадут вам в июле?

В м е с т е.

Где толк понимают в еде?

М у т о н.

Во «Льве и Кастрюле».

К е к е.

Во «Льве и Кастрюле».

В м е с т е.

(с поварятами).

Во «Льве и Кастрюле»

И больше — нигде!

Во «Льве и Кастрюле»,

Во «Льве и Кастрюле»,

Во «Льве и Кастрюле»

И больше — нигде!

2.

Н и н и ш.

Заходите! Дверь открыта!

Наш отель — такой отель,

Где, как сливки, будет взбита

Вам роскошная постель.

Могут парочки признаться,
Благодарности полны,
Что во «Льве с Кастрюлей» снятся
Замечательные сны...

К е к е.

Где все поцелуи нежней и свежей?

М у т о н.

Куда не пускают ревнивых мужей?

Н и н и ш.

Где, если б даже они проскользнули,
Влюбленным помогут в беде?

В м е с т е.

Во «Льве и Кастрюле»,
Во «Льве и Кастрюле»,
Во «Льве и Кастрюле»
И больше — нигде.

Ниниш и повара танцуют. Конец музыки.

Н и н и ш.

А теперь за дело!

Начинают накрывать столы.

Вы, надеюсь, помните, какой у нас знаменательный
день?

М у т о н.

Еще бы! Сегодня ровно два года, как юные русские
бояре...

Н и н и ш.

И почтенный их наставник месье А-Ка-Ки, что по-русски значит «акация», оказали нам честь, поселившись во «Льве и Кастрюле».

К е к е.

И подумать только! Они всего два года в Париже, а говорят по-французски почти, как мы.

Н и н и ш.

О, во всем мире высшее общество говорит по-французски, а эти юные студенты, как сообщил мне по секрету их почтенный наставник, ни больше, ни меньше, как (*шопотом*) родные племянники самого царя.

К е к е.

Как, все двадцать два человека?

Н и н и ш.

Фи! Месье Кеке! Неужели вы не знаете, что в России цари называют «племянниками» своих внебрачных детей.

М у т о н.

А! Тогда другое дело. Двадцать два незаконных сына — для царя это еще скромно... Но... как же...

Н и н и ш.

Ну, что вас смущает?

М у т о н.

Но, как же месье Аннибал? Ведь он же негр?

Н и н и ш.

Стыдитесь, месье Мутон! Весь мир знает, что царь завоевал дикую страну Пултаву, имел роман с черной принцессой этой страны, и месье Аннибал — плод этой страсти... Это сообщил мне по секрету их почтенный наставник, прося обращаться со всеми, как с кавалерами царской крови. Сам же он — первый министр и родной дядя царя, как он сообщил мне по секрету.

М у т о н.

Мадам! Вы что-то часто вспоминаете о нем. Это кончится плохо. Не слишком ли много секретов между вами и министром, мадам?

Н и н и ш.

Месье Мутон, вы, кажется, контролируете свою хозяйку? Контролируйте лучше счет мясника. Он опять приписал две телячьи головы, а вы делаете вид, что вы — третья, и платите. Не слишком ли много секретов между вами и мясником, месье?

М у т о н

(смутившись).

Что за подозрение, мадам? Если он оплбся, я ему недоплачу в следующий раз. Вот и все.

Н и н и ш.

Надеюсь. А теперь, месье, плита призывает вас.

К е к е уходит.

М у т о н
(нежно).

Н и н и ш...

Н и н и ш.

Опять!

М у т о н.

Да. Опять! Ниниш, вы обещали мне стать моей женой и все откладываете и откладываете. Я жду четыре года. С меня довольно! Либо мы через три дня идем венчаться к вашему аббату, либо я через три дня иду служить к вашему конкуренту. Да, да... В «Луну и Яичницу».

Н и н и ш
(тихо).

Ого! Это, кажется, серьезно. (Громко.) Но, мой Жозеф!..

М у т о н.

Ах!

Н и н и ш.

Вы правы. Я все откладываю и откладываю. Но что я откладываю? Я откладываю звонкие луидоры. Я решила принести вам в приданое не менее 20.000 ливров. И нехватает самых пустяков.

М у т о н.

О, если так... Но скажите, когда же?..

Ниниш начинает встревоженно припихиваться. Мутон, следя за ней, невольно делает то же.

Н и н и ш.

Это кабан.

М у т о н.

Я ничего не чувствую.

Н и н и ш.

Я говорю вам: это горит кабан.

М у т о н.

Значит, шелопай Кеке опять зазевался. Проклятье!
(Убегает.)

Н и н и ш.

Ха-ха-ха... Ну, вот и все. Нет, месье Мутон! Я не так глупа, чтобы стать вашей женой. Таких мужей, как вы, я найду, где угодно, а таких поваров — нигде...

Входит Акакий. Он в модном французском платье, помолодел и подтянулся.

(Заметив Акакия). Ах!.. Ваша светлость... Это вы?..

А к а к и й.

Бонжур, мадам! Как ваше здоровье? Хорошо ли ночевали?

Н и н и ш

Ах, господин министр, у нас говорят не «ночевали», а «провели ночь»...

А к а к и й.

Век живи — век учись. У нас на Руси, коли человек спал один, то ночевал, а коли провел ночь, то не один.

Н и н и ш.

Так у вас одно, а у нас совсем другое.

А к а к и й.

А разницы, пожалуй, никакой.

Н и н и ш.

Вы всегда шутите, ваша светлость. Однако займемся делами. Вот меню сегодняшнего фестиваля, которое вы просили меня составить.

А к а к и й.

Благодарю вас, почитаем...

Н и н и ш.

И внизу, как вы просили, общий итог расходов.

А к а к и й.

Благодарю вас, посчитаем. Что? Две тысячи франков? Охо-хо!

Н и н и ш.

Ваша светлость! У нас не говорят даме «охо-хо». Это невежливо.

А к а к и й.

А как же у вас говорят, мадам, увидя такой счет?

Н и н и ш.

У нас, в крайнем случае, говорят «о-ля-ля»... А погом вздохнут разок, говорят «тра-ля-ля» и платят.

А к а к и й.

Вам легко говорить, мадам, а мне государь по приезде такое «тра-ля-ля» покажет, что потом месяц будешь говорить «охо-хо». Шутка ли — две тысячи!

Н и н и ш.

Вот что, господин первый министр. Передайте лично от меня вашему царю, что если он так скуп, не надо было рожать двадцати двух племянников да еще посылать их в Париж.

А к а к и й.

Царь не скуп, мадам, но он соблюдает интересы казны. Перед отъездом он сказал мне: «Дорогой дядя, приехав в Париж, остановись только у мадам Ниниш, во «Льве и Кастрюле».

Н и н и ш.

Как? Царь знает о моем заведении?

А к а к и й.

А как же! Оно широко популярно на святой Руси. Так вот, если я, вернувшись назад, предъявлю такие счета, царь, зная вас, не поверит мне. Он скажет: «Ах, ты, чортова перечница...»

Н и н и ш.

Чортова перечница? Что это значит?

А к а к и й
(замявшись).

Гм... Чортова перечница... это... один из высших при-

дворных титулов в России. Так вот он скажет: «Ты обманул меня, старый хрыч!»

Н и н и ш.

Хрыч? А это что значит?

А к а к и й
(решиительно).

Маркиз! Нечто вроде маркиза... Слово «старый» указывает на древность рода. Словом, царь скажет: «Не верю, дядя, ты остановился не во «Льве и Кастрюле», а в «Луне и Яичнице». Добрая мадам Ниниш не могла бы представить такой счет». Так уж не лучше ли сразу перенести ужин напротив—в «Луну и Яичницу»?

Н и н и ш.

Через мой труп! (Притворно плачет.)

А к а к и й.

Мадам, мадам! Не расстраивайтесь! Посмотрим лучше, нельзя ли будет что-либо сократить...

Н и н и ш.

Хорошо... Дайте список... Итак... На первое раковый суп.

А к а к и й.

Гм... Суп... Без него, пожалуй, можно бы... и...

Н и н и ш
(соблазнительно).

С укропом... С лимоном...

А к а к и й.

С лимоном?.. *(Вздыхает.)*

Н и н и ш.

С белым вином для вкуса...

А к а к и й.

С белым вином? Оставить! Дальше?

Н и н и ш.

Дальше я специально для вас хотела приготовить вашу любимую лососину под майонезом, но если интересы казны...

А к а к и й

(грозно).

Ну-ну-ну! Лососину казна выдержит. Дальше!

Н и н и ш.

Дальше. Дальше.. перепела со шпиком на вертеле...

А к а к и й.

Вот перепела можно бы и...

Н и н и ш.

Вы правы, долой их! Тем более что они могут испортить скатерть. Ведь с них так и будет капать ароматный жир.

А к а к и й.

Гм... капать... *(Облизывается.)* Чорт возьми, на Руси говорят: над нами не каплет, но в Париже пусть каплет! Продолжайте!

Н и н и ш.

Да тут остается очень мало. (*Скороговоркой.*) Кабан с трюфелями и шампиньонами, устрицы для охлаждения после паштета с гвоздичной подливкой, пять сортов сыра, шесть сортов сладкого и фрукты. Вот разве что вино..

А к а к и й.

Что? Вино? Вы хотите сократить вино? Я вижу, мадам, вы нас просто гоните в «Луну и Яичницу».

Н и н и ш.

Так что же сократить?

А к а к и й.

Как? Вы не догадываетесь? Сократить можно только эту вот последнюю строчку. И даже не строчку, а цифру. Вместо двух тысяч поставим полгоры, и все будет в порядке.

Н и н и ш

(*томно.*)

Ах! Что вы со мной делаете! Вы, увы, давно убедились, что я ни в чем не могу отказать такому высокопоставленному и галантному кавалеру. (*Прильнула к нему.*)

А к а к и й.

Нет, мадам, это вы за два года приворожили меня. Порой думаешь: господи! Я в Париже! Меня любит...

Н и н и ш
(оглядываясь на кухню).

Тсс...

А к а к и й
(тише).

Меня любит прелестная дама! Уж не во сне ли я?
Так и хочется ущипнуть себя...

Н и н и ш
(обиженно).

Только себя?

Вступает музыка.

А к а к и й
(обнимает ее).

Очаровательница! Наша дружба — чудо!

У нас одно...

Н и н и ш.

У нас совсем другое,

А к а к и й.

А разницы, пожалуй, никакой!

1.

Н и н и ш.

Говорят, у вас метели
Разрушают города:
Засыпаешь на постели,
А проснешься в глыбе льда.

А к а к и й.

Говорят, у вас порою
Раскален, как печь, Париж:
Ночь гуляешь под луною,
Глянь, под утро загорись!

Н и н я ш.

У нас зимой и розы и левкой...

А к а к и й.

У нас подсолнух — вот и весь левкой!

У нас одно...

Н и н и ш.

У нас совсем другое...

А к а к и й.

А разницы, пожалуй, никакой.

2.

Н и н и ш.

Говорят, в России дамы

В клетках, словно какаду,

Их мужья мрачны, упрямы

И целуют раз в году.

А к а к и й.

Говорят, у женщин юга,

Так сказать, обратный счет:

Круглый год целуют друга,

А мужей однажды в год.

У нас грешат с развальцем и ленцою...

Н и н и ш.

У нас шалят с улыбкой огневой...

А к а к и й.

У нас одно...

Н и н и ш.

У нас совсем другое...

А к а к и й.

А разницы, пожалуй, никакой!

В м е с т е.

А разницы,

а разницы,

Пожалуй, никакой!

Поцелуй.

Конец музыки.

М у т о н

(врываясь).

А! Так вот оно что? Я давно это подозревал, чтоб я треснул! Ну, держись! *(Гонится с ножом за Акакием).*

Н и н и ш.

Месье! Вы сошли с ума! Извольте сейчас же идти на кухню! Кабан сгорит!

М у т о н.

Кабан подождет, пока я зарежу эту свинью!

А к а к и й

(вскочив на стол).

Стой! Молчать! Правило: «Посол есть лицо неприкосновенное».

М у т о н.

Ничего! Сейчас оно станет неприкосновенным.

А к а к и й.

Ах, так? О-ля-ля! А ну, тряхнем стариной. Тра-ля-ля!
(Бросается сверху на Мутона.)

Н и н и ш.

Месье Кеке, на помощь! Оттащите вашего шефа! Он бьет русского министра!

К е к е

(из кухни).

Оттащить? Сейчас! *(Вбегает в зал.)*

Н и н и ш.

Скорее! Теперь министр бьет вашего шефа...

К е к е.

Ах, так? Увы, мадам, шеф запретил мне отлучаться от плиты. *(Отходит к порогу кухни, откуда и следит за событиями).*

А к а к и й

(навалившись на упавшего Мутона).

Сдавайся, лысый чорт!

М у т о н

(хрипит).

Не понимаю. Скажите по-французски.

А к а к и й

(давая ему кулаком в бок).

Получай по-русски, сам переведешь.

Мутон визжит от боли.

Видали, мадам? Еще один такой разговор, и он будет все понимать по-нашему. Всегда к вашим услугам. *(Поклонился и ушел.)*

Н и н и ш.

Вот это — мужчина!

М у т о н

(медленно встает, снимает с себя фартук и колпак и, аккуратно сложив их, с достоинством передает Ниниш).

Мадам, получите! Мои вещи и жалованье за три года будьте любезны направить в «Луну и Яичницу». Спросить шефа-кулинара этой превосходной гостиницы, то есть меня.

Н и н и ш.

Ах, так? Я знала: они давно вас переманивали! Вы думаете, я без вас не обойдусь? Месье Кеке! За мной! Я докажу господам племянникам, что еще не разучилась готовить. Будьте здоровы, месье Мутон! Желаю успеха.

М у т о н, грозя Кеке кулаком, уходит на улицу. Н и н и ш и счастливый Кеке направляются на кухню.

Пауза.

Входит И в а н. На нем хорошее французское платье и парик. Под мышкой у него папка с чертежами и принадлежностями для черчения. Все это он бережно кладет на стол и поднимается по лестнице.

Стучит в дверь комнаты, занимаемой Антоном.

И в а н.

Господин! *(Приоткрывает дверь.)* Господин!

Из двери прямо на Ивана летит башмак.

Господин, уже поздно. Сейчас все вернутся из академии. Извольте встать, я доложу, чему сегодня обучали.

Летит второй башмак.

Г о л о с А н т о н а .

Ладно. Сейчас встаю. Почисть.

Взяв башмаки, Иван медленно спускается вниз и садится на ступеньки лестницы.

Вступает музыка.

И в а н .

Почисть. Иван! Эта работа как раз по тебе. Ты ведь можешь начертить путь корабля в любую страну... рассказать о звездах на небе, командовать битвой на море. Для чего? Для того, чтоб блестили барские башмаки!

1.

(Чистит башмаки.)

Зачем, зачем ты здесь, Иван!

Тебе науки светоч дан,

Тебе чужого неба своды

Сияют в блеске голубом

И манят призраком свободы,

Но ты, как и в былые годы,

Остался купленным рабом!

Над Сеной, там, в высоком здании,

Ты, словно тать, воруеться знанья,

К науке крадешься тайком,

А здесь дрожишь и ждешь минуты,

Когда в тебя хозяин лютый

Швырнет заморским башмаком.

— Иван!

— Бегу!

— Иван!

— Сейчас!

(Яростно чистит.)

Раз-раз...

Раз-раз...

Раз!

2.

Почисть, Иван! Ты ведь можешь без заминки вести беседу и с мудрым ученым, и с придворной дамой. За два года ты прочел много-много умных, благородных книг... Для чего? Для того, чтоб блестели барские башмаки!

Тебе не мил в отчизну путь...

Свою любимую забудь...

Она с пустым и злым уродом

Уныло скоротает век...

Терпи, Иван!

Он знатен родом!

Терпи! Ты — раб!

Терпи, ты продан!

Терпи! Холоп — не человек.

О, мне бы волю, мне бы право,

Я б дóбыв счастье, д был славу,

Я б вырвал тайны у наук,

Я покорил бы ветер, волны,
Я взговорил бы в голос полный
С тобой, бесчувственный барчук.
Пришел бы день. Настал бы час...

(Гневно.)

Раз-раз!

(Покорно.)

Раз-раз.

Раз...

*По лестнице, лениво потягиваясь и зевая, спускается
Антон в халате и останавливается возле Ивана.*

Антон.

Ну, докладывай, платье мое потом снимешь. Только покороче. *(Протягивает ногу.)*

Иван

(обувая Антона).

На сегодня парусную снасть двухмачтового корвета начертить задали и каждого этюдианта с чертежами поименно вызывали.

Антон.

Постой! Ежели поименно, то и меня, значит, выкликали?

Иван.

Так точно.

Антон.

Ну, и как же?

И в а н.

По вызову вашего благородия отзыв был и чертеж незамедлительно представлен.

А н т о н.

Кто отзывался?

И в а н.

Я отзывался.

А н т о н

(*рассвирепев*).

Да как же ты, собака, смел на дворянское имя отзываться?

И в а н.

Поелику месье Жандретт государю посулился об успехах отписать, то, дабы конфузии не получилось, осмелился.

А н т о н.

А чертеж чей представил?

И в а н.

Мой... (*Подает чертеж.*)

А н т о н.

Давай! Эге, тут что-то французиска написал. Мани-фиг. Какой такой фиг? Почему сего слова не знаю? Ты смотри, Ивашка, учить меня спустя рукава стал! Почему манифигá не знаю?

И в а н.

Знаете, ваше благородие. Еще намедни госпоже мар-

кize де Курси вслед ее коляске кликать изволили:
«Манифиг» (*целует пальцы*), «Мави.фиг».

А н т о н.

И то! Так ведь манифиг это же значит — «велико-
лепно».

И в а н.

Так точно.

А н т о н.

Значит, чертеж великолепный?

И в а н

Так точно.

А н т о н

Ну, вот видишь, дурень, как я учусь. Ладно. Уж так
и быть, самозванство тебе прощается, но помни: в пер-
вый и последний раз!

И в а н.

Никак невозможно, чтобы в последний раз. Теперь
экзамены. Переключку ввели. Отзываться надлежит.

А н т о н

Давно ввели?

И в а н.

С месяц.

А н т о н

(угрожающе, с расстановкой).

Ты что ж это? Целый месяц отзываешься?

Иван молчит.

И тебя, скотину, высокородным боярином Свиныным величают? Да я тебя сейчас насмерть запороть велю!

(Схватив Ивана за плечи, трясет.)

Веселой гурьбой входят молодые дворяне. Впереди красивый, приветливый Корсаков, за ним Стрешнев, Лугин и другие.

Корсаков.

Постой, Антон! Что приключилось?

Антон

(отпустив Ивана).

А, как раз впору! Подсобите, братцы, слугу проучить! Ведь я его в академию посылаю, чтобы уроки мне докладывал, а он, подлец, самозванствует, за меня себя выдавать дерзает.

Стрешнев.

Как же он уроки слушать может, ежели не откликнется? Ведь нынче перекличка.

Корсаков.

Для тебя же старается. А коли тебе сие обидно, сам бы и ходил, вот как мы.

Антон.

Да ведь я врасплох поехал. Я ж по-ихнему ни в зуб.

Корсаков.

Ивашка тоже врасплох поехал, иначе языку изрядно обучился.

А н т о н.

Это что же? Ты меня с холопом купленным равняешь? Смотри, Корсаков! Я своей чести дворянской так марасть не дозволю.

К о р с а к о в.

Честь чести рознь, сударь Антон Яковлевич. Нынче наша честь дворянская — обучиться да царю и родине служить, а не безвинных биты! А Ивашку, раз он тебе не по нраву, продай. Я первый куплю!

Входит Ганнибал. Он в форме капитана артиллерии. Большинство молодежи приветствует его жестами и радостным шумом.

Г а н н и б а л.

Господам капитанам дальнего плавания в день годовщины — виват!

К о р с а к о в
(радостно).

Господину капитану артиллерии — салют!

В с е
(дружно).

Бум!!!

К о р с а к о в.

Здорово, черненький! (Обнимает Ганнибала.) Ну, как, Свиныин, продашь?

Г а н н и б а л.

Это кого?

Стрешнев.

Да Ивашку! Он, вишь, ему не по нраву, а Корсакову в самый раз.

Антон, жестикулируя, торгуется с Корсаковым.

Г а н н и б а л
(*тихо Ивану*).

Хочешь?

Иван отрицательно качает головой.

Да ведь Корсаков — добрый малый.

И в а н.

Весьма добрый.

Г а н н и б а л.

А этот — зверь.

И в а н.

Зверь. Только... господин Корсаков сам хорошо учится. Мне не даст. (*Спустил голову.*)

Г а н н и б а л.

Так... Понимаю... А хочешь учиться?

И в а н

(*утвердительно кивает головой и весь дрожит от напряжения*).

Хочу! Больше жизни хочу! Все стерплю.

Г а н н и б а л.

Ладно. Устрою. (*Спокойно и небрежно, не обращаясь лично к Антону.*) Господину Свиныну продать сего холопа никак не можно.

А н т о н.

Что? Корсаков, бери, продаю!

Г а н н и б а л
(*та же игра*).

Господину Свиныну государь диплом капитана привезти повелел. А сам господин Свинын по малому знанию языка такового получить неспособен. Посему холоп и обязан: экзамены под его, господина Свинына, именем сдать, диплом на господина Свинына имя выправить и ему, господину Свиныну, вручить оный. А тот сей диплом государю и представит за свой.

К о р с а к о в.

Ну и голова! Да ведь иначе и быть невозможно! Ай, складно!

А н т о н.

Складно-то складно, да ведь срам! Холопу мое имя внатное?

Г а н н и б а л
(*та же игра*).

Никакого сраму господину Свиныну быть не может, поелику холоп не самовольно, а по его, Свинына, барскому повелению сие исполнит с рабским покорством.

А н т о н.

По повелению? Гм... С покорством? Баста, братцы! Не продаю! Иван! Поди сюда! Настрою тебе повелеваю, слышь, повелеваю тебе, холопу моему, именем моим диплом получить! Слышишь? Покорствуешь?

И в а н
(низко кланяется).

Слышу. Покорствую.

А н т о н.

Так-то. Теперь покорствуешь. Сие дело другое.

К о р с а к о в.

Ну, как там? Скоро ли к столам?

Н и н и ш.

Несу, господа племянники, несу! Прошу за стол!

Х о р.

За стол! За стол!

Вступает музыка.

В с е.

1.

За стол! За стол!
Без горя и кручины.
За стол! За стол!
На праздник годовщины!
С подъятыми стаканами
Дадим себе зарок,
Что будем капитанами
В назначенный нам срок.

2.

Нальем! Нальем!
Возвеселимте души!
Нальем, нальем!

Недолго жить на суше.
Мы мачтами да реями
Натешимся сполна.
Воды хлебнуть успеем мы,
Хлебнем пока вина.

Стрешнев.

Эй, Корсаков! Давай застольную!

Лугин.

За нашу жизнь в Париже вольную!

Стрешнев.

За всю родню!

За милых!

Корсаков.

Нет!

За них сегодня пить не след.
Полнее чашу. Я спою
Вам здравицу свою.

ЗДРАВИЦА КОРСАКОВА

1.

Бывало, пил исправно я
Еще совсем юнцом
И поднимал заздравицу
За матушку с отцом.
За теток для приличества,
За братцев да сестру,
Родни ж у нас — количество!
Глядишь — и пьян к утру.

2.

Бывало, пьешь за милую,
 Клянешься век любить
 И заставляешь силою
 Непьющих даже пить.
 Когда ж остынет жаркая
 Короткая любовь,
 Свою свободу чаркою
 Отпразднуешь ты вновь.

3.

Бывало, пьешь за складное
 Заморское житье,
 За Францию нарядную,
 За девушек ее.
 В краях твоих немало я
 Уже испил вина,
 Веселая, да шалая
 Чужая сторона.

4.

(Торжественно.)

Но нынче чару лучшую,
 Заветную, одну
 Поднимем за могучую
 Родимую страну!
 Одну, неповторимую,
 Под русское «ура»,
 За родину любимую,
 За нашего Петра.

Хэр.

Одну неповторимую,
Под русское «ура»,
За родину любимую,
За нашего Петра!

Все поют и бросают о пол бокалы. С оживлением садятся, наливают друг другу. Стрешнев, Акакий, Корсаков шепчутся.

Стрешнев.

Глянь-ка, Лешенька, Антону-то здравица твоя не по вкусу.

Корсаков.

Эх, видеть его не терплю!

Акакий.

И я. Он моей Нинишке вчера опять проходу не давал. Ну, погоди, я его сейчас на-нет сведу. *(Кричит.)* Стой! Молчать! Правило: ныне здравицу надлежит выпить из самой большой чаши самому знатному из нас.

Антон

(вскочил).

Мне! Мне!

Акакий.

Истинно так. Антон Свиньян — украшение наше. Мадам, приготовьте сосуд, его сану подобающий. *(Тихо.)* Ну, тот медный жбанчик, из коего поросенка молочного поите. *(Громко.)* И наполните его лучшим нек-

таром вашим. *(Тихо.)* Ну, тем ромом, от коего англицкие матрозы на стену лезут.

Н и н и ш.

Сию минуту, господин министр.

К о р с а к о в.

За кого ж пить собираешься, кавалер?

А н т о н.

За прелестницу, с коей я в кратчайший срок в амур вступить намерен... За славную маркизу... Ну, как бишь ее... Иван!

Иван подбегает.

Как зовут ее, ну эту? Которая «манифиг», «манифиг»...
(Целует свои пальцы.)

И в а н.

Маркиза де Курси, господин!

А н т о н.

Во! За нее самую.

С т р е ш н е в.

У тебя губа не дура.

К о р с а к о в.

Она и впрямь красавица.

А к а к и й.

Антоша! Да ведь ты с ней и незнаком? Как же так?

А н т о н.

Вздор! У нас, дворян столбовых, сие быстро: разлечусь, поклонюсь, назовусь и — «держу, падайте»!

А к а к и й.

Ай, да молодец! А ну, пей! *(Берет из рук Ниниш жбанчик, повязанный салфеткой.)*

А н т о н

(принимая жбанчик).

Так за любовницу мою незамедлительную маркизу де Курси!

Под веселый шум, смех и подзадоривающие шутки начинает пить, но вдруг с изумлением отрывается от жбана. От крепкого рома у него захватило дыхание. Он хочет перевести дух, но Акакий подталкивает жбанчик к губам Антона.

А к а к и й.

До дна, до дна!

В с е.

До дна! До дна!

Антон пьет. Жбанчик со звоном падает из его рук. Антон идет, шатаясь, на авансцену и задыхающимся голосом произносит.

А н т о н.

Ах... Ах... Ах... Ах...

Иван подбегает к хозяину.

Держи, падаю! (*Рухнул на руки Ивана.*)

Общий смех.

А к а к и й.

Готов! А ну, Иванушка, оттащи-ка его в сторону да и устрой поспокойнее...

Иван, подхватив хозяина подмышки, волочит его по лесенке и скрывается с ним в его комнате. Затем Иван спускается и, усевшись в углу на авансцене, что-то тихо твердит, держа на коленях карту и циркуль. В этом положении он остается все последующие сцены до своей реплики.

А теперь — русскую!

Начинается пляска. Акакий первым пускается в пляс, увлекая за собой молодых дворян.

В разгар танца раздается сильный стук в дверь. Все на мгновение застывают в напряженном ожидании.

К о р с а к о в.

Это что еще?

А к а к и й.

Мадам Ниниш, не отзываться и не отпираться!

Стук повторяется. Он еще настойчивее и сильнее.

Н и н и ш.

Это, должно быть, подгулявшие мушкетеры. Разрешите, я успокою их, иначе они вышибут дверь: я их знаю.

А к а к и й.

Не впускать!

Г о л о с
(за дверью).

Открывайте. Да поскорее!

Н и н и ш.

Господа! Господа! Не стучите! Прошу прощенья, но
отель закрыт.

Г о л о с
(за дверью).

Открыть немедленно!

Н и н и ш
(у двери).

Господа! Я в отчаянии, но не могу вас принять. Ко
мне приехала больная тетушка из Анжу и как раз
сейчас умирает.

Г о л о с
(за дверью).

Отойдите от двери, или она упадет прямо на вас.

Дверь сотрясается от страшных ударов.

К о р с а к о в.

Ах, вот они как?

Все выхватывают шпаги.

Н и н и ш.

Месье племянники! Умоляю вас! Здесь должно литься
вино, а не кровь.

К о р с а к о в.

Назад, тетушка! Ибрагим, прочь засов!

Ганнибал отодвигает засов.

*Дверь с треском распаивается. В ней стоят две молодые, красивые, богато одетые женщины. Впереди маркиза Жермена де Курси, за ней графиня Диана де... — возлюбленная Ганнибала
Дворяне медленно отступают.*

С т р е ш н е в.

Маркиза де Курси!

Ж е р м е н а.

Прелестная картина! Двадцать мужчин обнажают шпаги против двух беззащитных дам, просящих крова в непогоду,

К о р с а к о в.

Сударыня... Клянусь... Если бы мы знали...

С т р е ш н е в.

Мы услышали мужские голоса... и...

Ж е р м е н а.

Ах, понимаю... Вы испугались моего кучера? Батист! Войди!

Входит коротенький, толстенький, грозно-усатый кучер Батист с огромным хлыстом.

Ж е р м е н а.

Вот эти господа хотят оказать тебе честь и скрестить свое оружие с твоим. *(Показывает на хлыст.)*

Батист громко хохочет. Дворяне с ропотом вкладывают шпаги в ножны.

Г а н н и б а л.

Прекрасная маркиза! Вы вправе карать молодых людей за их горячность, но пощадите их благородное происхождение. Не делайте их посмешищем вашей челяди.

Д и а н а
(выступает вперед).

Капитан Ганнибал совершенно прав, дорогая!

Г а н н и б а л
(восхищенно).

Как? Графиня де...

Д и а н а
(тихо).

Гссс, капитан! Где ваша обычная скромность? *(Громко.)* Господа легко простят маркизу, — она любит пошутить. Суть же в том, что при возвращении с прогулки нас застигла гроза... И мы вынуждены искать убежища...

Ж е р м е н а.

Ах!

Этот крик вызван тем, что дворяне по команде Корсакова припали на одно колено перед дамами.

К о р с а к о в.

Мадам! Умоляю! Украсьте наш скромный праздник своим присутствием.

Ж е р м е н а.

Как ты думаешь, Диана?.. Поскольку хозяйка — женщина... *(Пошептавшись с подружкой.)* Господа, мы принимаем ваше приглашение. Но только пока не прошла гроза.

В с е.

Ура!

Пока идет молчаливая церемония представления, Ганнибал и Диана отходят на авансцену.

Г а н н и б а л.

Не в силах передать свое счастье, Диана! Чудесный случай...

Д и а н а.

Случай? Боже, как вы наивны!

Г а н н и б а л.

Как?.. Значит, и прогулка и гроза...

Д и а н а.

Только предлог увидеться без досадливых свидетелей.

Г а н н и б а л.

Благодарю... Благодарю...

Д и а н а.

Благодарите маркизу. Это придумала она.

Г а н н и б а л.

Она — ангел!

Д и а н а.

Узнав от меня о вашем празднике, она крикнула:
«Едем, Диана!» — и вот мы здесь.

Г а н н и б а л.

О, я не знаю, как благодарить...

Д и а н а.

Познакомьте ее с самым знатным, самым молодым и самым глупым из ваших сверстников... Маркиза любит посмеяться.

Г а н н и б а л.

О, такой у нас есть! Месье Антуан Свиньян.

Ж е р м е ч а.

Диана, где же ты? Кавалеры ждут нас к столу.

А к а к и й.

За ангелов небесных, к нам слетевших!

С т р е ш н е в.

За прозу!

Г а н н и б а л.

За то, чтобы она не кончалась!

Дам увлекают к столу, усаживают.

И в а н

(тихо, мечтательно в своем углу).

Завтра в академию... Адмирал Тальон вызывает к доске: «Месье Антуан Свиньи́ни!» — «Здесь». — «Перечислите гавани на пути в Калькутту». — «Слушаю, господин адмирал! Первая Марсель, вторая Лиссабон, третья... третья...» *(Смотрит то в книгу, то на глобус.)*

Ж е р м е н а

(не садясь).

Как? Оказывается, я не со всеми знакома? У вас, говорят, есть еще один товарищ, господя?

Стрешнев.

Уты, мадам... У него мигрень...

К о р с а к о в.

Он отдыхает...

Л у г и н.

Но при виде вас вмиг оживет...

Д и а н а.

Зовите его, капитан!

Г а н н и б а л.

Ваша воля — закон. *(Кричит вверх.)* Месье Антуан Свиньи́ни!

И в а н

(вздрагнул, вытянулся и отвечает по привычке).

Здесь!

Общий хохот.

К о р с а к о в.

Вот так гиштория! Откликнулся по привычке, как в академии.

Вступает музыка мелодрамы.

Ж е р м е н а.

Но подойдите же, месье... или вы боитесь дам?

Иван стоит, остолбенев от волнения и неожиданности.

Акакий хочет вмешаться.

К о р с а к о в

(тихо, подражая Акакию).

Стой! Молчать! Правило: шутке сей не мешать. Она изрядная.

Предложение Корсакова шепотом передается из уст в уста и с удовольствием принимается молодыми дворянами.

Д и а н а.

Но он совершенно очарователен, ваш месье Антуан...

Да, но...

Г а н н и б а л.

Ж е р м е н а.

Месье Антуан, вот вам полная чаша,
В минуту мигрень исцелит она вашу.

И в а н

(озадачен, тихо).

Что делать?.. Как быть?..

А к а к и й.

Раз подносят, так пей...

(Хлопает его по плечу.)

Валяй, Антуан, не робей!..

К о р с а к о в.

Месье Антуан, вас зовут, подойдите!

И в а н

(тихо).

«Месье Антуан»? Не схожу ли с ума?

Ж е р м е н а.

Ах так? Вы представиться мне не хотите?

Ну что же! Тогда я представляюсь сама!

(Поет.)

Меня зовут Жермой де Курси.

Кого в Париже только ни спроси,

Вам скажут все намеком или прямо:

«Ужасно легкомысленная дама».

Опасна, говорят; моя краса.

Моя свобода колет им глаза.

Они твердят, что замки и поместья

Купила я, увы, ценой бесчестья.

Что я возлюбленных гублю,

Что если даже полюблю,

То лишь на две недели.

А к а к и й.

Так говорят. А как на самом деле?

Жермена.

На деле вся моя вина,
Что я в апреле рождена.

В темпе вальса.

В апреле склонилась богиня любви
К моей золотой колыбели.
Она мне шепнула: «Минуту лови!
Ведь ты родилась в апреле.
В апреле звучней соловьиная трель,
А сердца удары все чаще.
Ты можешь изменчивой быть, как апрель,
Но будь и такой же пьянящей!»

Конец музыки.

Диана

(Ивану).

Ну, сударь, ответьте же хоть что-нибудь!

Жермена.

Господин Антуан — ученый, видите, и за пирушкой
он погружен в книгу. Что это?

Иван.

Морской устав...

Жермена.

Прочтите мне что-нибудь наугад. Я хочу знать, чему
вас учат.

И в а н.

Наугад? *(Открывает книгу, читает.)* «Если ветер тебе благоприятствует, распусти все паруса».

Ж е р м е н а.

Прекрасное правило, и очень кстати. Ветер для вас вполне благоприятный, месье!

И в а н

(тихо).

Хорошо. Распустим паруса. *(Громко, с легкостью и изяществом придворного кавалера.)* Да, сударыня! Ветер счастливый, ибо он занес в нашу гавань две очаровательные яхты!

К о р с а к о в.

Сляди, изрядно сказано!

И в а н.

Мы любуемся их оснасткой, отделкой, их тонкими, стройными формами...

Ж е р м е н а.

Ого! Вы, я вижу, знаток в морском деле. Но яхты, о которых вы говорите, отличны друг от друга, и сильно. Которую же вы предпочитаете?

А к а к и й.

Пропал, бедняжка, конец Ивашке! Не выкрутится!

И в а н.

Сейчас посмотрю, мадам. *(Смотрит в книгу.)* Это зависит от применения. Яхты более устойчивые *(кланяет-*

ся графине) хороши для дальнего плавания. Яхты более легки превосходны для увеселительной прогулки...
(Поклонился маркизе.)

А к а к и й.

Убил!

Ж е р м е н а.

Я вижу, вы не только разбираетесь в системах, но ловко умеете лавировать между комплиментом и дерзостью. Берегитесь! Волны коварны. Они могут захлестнуть ваш собственный фрегат и смыть вас с палубы.

И в а н.

Я умею плавать, мадам.

Ж е р м е н а.

Это не помогает в открытом море.

И в а н.

Моряк должен не робеть и надеяться.

Д и а н а.

Превосходный ответ! Не будьте так строги к юному капитану, дорогая Жермена!

И в а н.

Вот видите, сударыня, сердобольная рука уже бросает мне спасительный канат.

Ж е р м е н а.

И вы спешите ухватиться, чтобы выйти сухим из воды. Я вижу, вы очень дорожите жизнью.

И в а н.

Как когда, мадам. Есть взоры, в которых так приятно потонуть...

Жермена и Иван долго смотрят друг на друга. Первой отводит глаза и опускает голову Жермена.

Ж е р м е н я.

Довольно, капитан. Признаю себя побежденной в этом морском сражении.

И в а н.

В таком случае по уставу я обязан привести вас в порт. *(Предлагает ей руку и ведет к столу.)*

Все участники этой сцены с восхищением следили за ее развитием, а молодежь не раз бурно выражала свой восторг при ответах Ивана.

К о р с а к о в.

Из молодцов молодец!

С т р е ш н е в.

Голову об заклад — далеко он пойдет!

А к а к и й.

Моя бы воля, я бы его и навсегда с Антошкой местами переменял.

Д и а н а

(тихо, маркизе).

Ну что? Каков?

Ж е р м е н а
(тихо).

Я просто без ума. (Громко.) Но воздадим, наконец, честь ужину.

А к а к и й.

Мадам Ниниш! Где ваш знаменитый раковый суп? Ага... Несут!

Поварята вносят раковый суп и разливают.

Ж е р м е н а.

Как? Мой любимый раковый суп? Сразимся же с ним! Месье Антуан, берите на себя команду боем!

И в а н
(совсем осмелев).

К оружию!

Все со смехом хватают ложки.

Приготовиться!

Все встают.

На abordаж!..

Все подносят ко рту первую ложку супа и, проглотив его, с ужасом смотрят друг на друга.

Ж е р м е н а.

О! Горит, горит...

Все тяжело дышат, переглядываются

А к а к и й.

Мадам Ниниш... Что это такое?

Н и н и ш.

Но... это раковый суп...

А к а к и й.

Суп? Это варево из котла самого дьявола!

К о р с а к о в.

Вина, или я сгорю заживо!

Н и н и ш.

Медам? Месье? Что случилось?

А к а к и й

(протягивает ей ложку).

Попробуйте!

Н и н и ш

(попробовала).

Какой ужас! Господа, произошло несчастье. Умоляю, заешьте это скорей ломтиком дикого кабана. *(Поварятам.)* Живей!..

Поварята кладут на тарелки кабанину. Все пробуют и с криком вскакивают.

И в а н.

Не ешьте! Отравла!

Н и н и ш

(возмущенная).

Отравла? *(Пробует и кричит.)* Отравла! Месье Кеке! Месье Кеке!

К е к е вбегают.

Что вы положили сюда и сюда?

К е к е.

Но, мадам, я ничего не клал. Это может подтвердить даже месье Мутон.

Н и н и ш.

Мутон?

К е к е.

Ну, да. Он забыл свой нож для дичи. Вернулся и послал меня в кладовую искать его. Я долго искал, но не нашел. Мутон повертелся на кухне и ушел, ворча.

Н и н и ш.

Боже мой! Я, кажется, начинаю понимать. Месье Ке-ке! Где большая банка с кайенским перцем?

К е к е.

Сейчас посмотрю. *(Убегает.)*

Н и н и ш

(тихо).

Неужели Мутон на это способен?..

К е к е

(возвращается).

Вот она, мадам, но она пуста.

Н и н и ш.

Пуста! *(Бросается к столу и пробует все блюда.)* Я опозорена навеки!

Ж е р м е н а.

Но объяснитесь же...

Н и н и ш.

Повар, которого я прогнала... за... за...

А к а к и й.

За безнравственность...

Н и н и ш.

..За безнравственность, прокрался в кухню и отомстил.. Все посыпано перцем. Мы умрем с голоду. О, я несчастная!

Ж е р м е н а

(пошептавшись с Дианой).

Господа, дело легко поправимо. Я приглашаю вас всех к себе на ужин. Моя вилла в двух лье отсюда, а дворецкий всегда наготове. Месье Антуан, подайте мой плащ и возьмите свой. Капитан Аннибал, предложите руку графине. Господа, за мной, мы будем показывать дорогу. Небольшая прогулка только возбуждает аппетит.

Веселое оживление. Все хватают плащи, приводят себя в порядок. Маркиза, графиня, Иван и Гачнибал идут к выходу. За ними следуют остальные.

К о р с а к о в

(Стрешневу).

А Антошка пусть дрыхнет. Поделом дураку.

А к а к и й

(проходя мимо мадам Ниниш, презрительно).

С укропом... с лимоном... С белым вином для вкуса...
Тьфу! *(Ушел.)*

К е к е.

Мадам! Мадам! Не убивайтесь так...

Н и н и ш.

Все горит... И здесь... И здесь... *(Показывает на грудь и на рот.)*

К е к е.

Мадам, мадам, успокойтесь. Съешьте это мороженое для охлаждения.

Н и н и ш

(машинально берет ложечку мороженого и, задыхаясь, бросает ее на пол).

Перец! И в мороженом тоже перец! *(Мечтательно и томно.)* Неужели Мутон действительно так любит меня?

З А Н А В Е С

А К Т Т Р Е Т И Й

Терраса в парке загородного дворца маркизы де Курси. На заднем плане террасы—ярко освещенные окна роскошной залы. Там маркиза принимает своих гостей. Терраса окаймлена балюстрадой. Ступеньки террасы ведут в парк. Справа—павильон-беседка. Лунная ночь. На террасе на ступеньках графиня Диана де... и Ганнибал. Из дворца тихо доносится музыка.

Г а н н и б а л.

Нет! Не покину я тебя, любовь моя! Ты — мое небо, ты — моя родина. Решено. Я остаюсь!

Объятья. Вдали слышен голос Жермены.

Ж е р м е н а,

Диана! Где же ты?

Диана
(шопотом).

Вернись в зал. Я сейчас приду.

Ганнибал, ловко перепрыгнув через балюстраду, скрывается во дворце.

Жермена
(появляясь).

Ах, прости! Я испугнула твоего черного барса. Но ты мне нужна, как никогда... Диана! Смейся надо мной! Труби на весь мир! Жермена де Курси потеряла голову. Когда он смотрит на меня своими голубыми глазами, у меня вот тут мурашки, мурашки, мурашки...
(Прячет голову в складках платья Дианы.)

Диана.

Мурашки? Дело плохо. Это уже похоже на любовь. Ну, а он? Влюблен?

Жермена.

Не знаю. Я растеряна, я на все надеюсь и всего боюсь. Однако что с тобой? Ты вся сияешь!

Диана.

Нет в мире силы сильнее нас, Жермена. Нет цепи крепче мягких женских объятий. Аннибал остается во Фландии.

Жермена.

Счастливица! (С внезапным порывом.) Ах!

Диана.

Что с тобой?

Жермена.

Я хочу, чтоб мой тоже остался! Да! Да! Диана, милая, поди, пришли его сюда. Я сейчас уговорю его!

Диана.

Хорошо... Я пришлю... Но, откровенно говоря...

Что?

Жермена.

Диана.

Я сильно сомневаюсь в успехе. Впрочем, попробуй.
(Уходит.)

Жермена.

Как? Она сомневается? Она смеет думать, что чары Жермены де Курси слабее ее чар? Какое самообольщение! (Погружается в раздумье.) Но что, если он останется, а я... разлюблю его.. Куда же я его дену? Идея! Я передам его графине Лавалетт. Он как раз в ее вкусе... Боже!.. Что я говорю! Нет, Жермена! Настал твой час... Придется тебе, кажется, в первый раз в жизни изменить себе, то есть остаться верной мужчине...

С террасы по ступеням спускается Иван. Он видит Жермену, томно полулежащую на скамье у беседки.

Она легким жестом подзывает его.

Вступает музыка.

Вам душно в зале, капитан?
Присядьте здесь... Деревья сада
Едва шумят... Журчит фонтан.
Покой, и сумрак, и прохлада...
Но ах! Куда бежать от чар?

Как ни легки крыла зефира,
Но ни одной прохладе мира
Не остудить сердечный жар.

И в а н.

Вам жар такой навряд ли ведом,
Навряд ли чувство вам грозит:
Ваш взор давно привык к победам,
Так равнодушно он скользит...
Один закон — закон каприза —
На миг берет над вами власть.
Откуда вам и знать, маркиза,
Что значит жар, что значит страсть?..

Ж е р м е н а.

Так! Заслужила я укор!
Такой была я до сих пор!

1.

Когда меня другие осуждали,
Улыбкой злой им отвечала я.
Но, бедный друг, я вижу, вы страдали.
Скажите все. Откройтесь, не тая!
Недаром сердце в вас обледенело,
А на устах язвительная речь...
Как имя той, которая посмела
Такой душой прекрасной пренебречь?

И в а н.

Как имя?

(Тихо.)

Как имя? Люба... Лю-ба...

(Маркизе.)

Ее зовут Любовы!
Ее не встречу вновь.
Судьбы своей не переспоришь!
Она навек ушла,
Но я не помню зла...
Остались только боль и горечь...
Что ж, я терплю, молчу,
Я жизнью всей плач^у
За тень несбывшегося счастья...
Ее зовут Любовь...
Вы рану вскрыли вновь
Под видом нежного участия.

(Горестно опускает голову.)

2.

Ж е р м е н а.

Ах, оправдать себя едва я смею,
Виновна я, и в этом признаюсь...
Но сила есть... Она меня сильнее,
Ее назвать по имени боюсь.
Над нею я смеялась дерзновенно,
Но мной она владеет наяву.

И в а н

(взволнованно).

Маркиза!

Ж е р м е н а.

Нет! Скажите мне: «Жермена!»,
И я вам силу эту назову.

И в а н

(в раздумье).

Жермена?

Жермена...

Ж е р м е н а

(медленно приблизилась и прильнула к нему).

Ее зовут любовь,
Она вам блещет вновь.
Судьбы своей не переспоришь.
Она опять пришла.
Она, как день, светла,
Она излечит боль и горечь.
В мои глаза взгляни,
Как бирюза, они,
Они яснее всякой речи.
Они твердят одно:
Отныне им дано
Всегда сиять тебе навстречу.

(Страстно обнимает Ивана.)

Через мгновенье Иван вырывается из ее объятий.

Останься! Останься навсегда со мной, в моей прекрасной Франции!

И в а н.

Нет!

Птички райские слетают
Лишь на время с высоты.
Знаю, крылья засверкают,
И исчезнешь ты.

Ж е р м е н а.

Я пылаю, я сгораю..
Я твой взгляд, твои черты
Предпочту любому раю,
Кто бы ни был ты!
Кто бы ни был ты...

И в а н.

А если я ничто? Без золота, без славы?
Без имени?

Ж е р м е н а.

Останься здесь, любя.

И в а н.

Чужой язык... Чужие нравы...

Ж е р м е н а.

Но не чужое сердце близ тебя.
Пусть царь лишит тебя поместий,
Пусть втопчет в грязь твой знатный род,
Останься здесь! Со мною вместе
Все это вновь к тебе придет.
Ты дикий край навек забудешь,

Ты молод, знаниями силен.
Своей рукой ты все добудешь.

И в а н

(слушавший ее, как зачарованный).

Своей рукой? Пусть так! Я побежден.
Не знаю сам, какая сила
Во мне надежду воскресила...

Ж е р м е н а.

Ее зовут любовь...
Она нам блещет вновь...
Судьбы своей не переспоришь.
Она опять пришла,
Она, как день, светла,
Она излечит боль и горечь.
В мои глаза взгляни,
Как бирюза, они,
Они яснее всякой речи.
Они твердят одно:
Отныне им дано
Всегда сиять тебе навстречу.

Медленно уходят, обнявшись, в глубину беседки.

Конец музыки. Пауза.

*Со стороны парка появляются пышно разодетый
мажордом и Антон.*

М а ж о р д о м.

Судары! Я не вполне понимаю вас. Объяснитесь!

А н т о н.

Муа нон компрене бьен франсе.

М а ж о р д о м.

Это так, сударь. Однако вот я с вами говорю по-французски, и вы меня понимаете.

А н т о н.

О! Вуй! Же вуй компрене слухе, ме же не може парле.

М а ж о р д о м.

В таком случае я буду задавать вопросы, а вы соблаговолите отвечать «да» или «нет». Понятно?

А н т о н.

Вуй, вуй, вуй.

М а ж о р д о м.

Вы хотите примкнуть к компании ваших соотечественников, гостящих у моей госпожи?

А н т о н.

Вуй, вуй, вуй. Мадам Ниниш мне парле, что все алле сюде. Пониме?

М а ж о р д о м.

Простите, сударь, тут нет никакой мадам Ниниш. Это дом маркизы де Курси.

А н т о н.

Вуй, вуй, вуй. *(Целует свои пальцы.)* Манифиг, манифиг.

М а ж о р д о м.

Сударь! Я лучше вызову к вам кого-нибудь из господ русских бояр.

А н т о н.

Во, во! Зове, зове!

М а ж о р д о м.

Как прикажете доложить?

А н т о н.

Месье Антуан Свиныйн.

М а ж о р д о м.

Ага... Вам нужен капитан Антуан Свиныйн.

А н т о н.

Нон, нон, Муа Антуан. Же. Же сам — Антуан Свиныйн. Экой бестолковый!

М а ж о р д о м.

Простите, сударь, но месье Свиныйн находится здесь с вечера. Я сам прислуживал за столом своей госпоже и ему.

А н т о н

(благодарушно).

Нон, нон. Ву бреше. Антуан — се муа.

М а ж о р д о м

(тихо).

Это либо сумасшедший, либо обманщик. *(Громко.)*
Месье! Здесь явная ошибка. Извольте удалиться.

А н т о н.

Эх, чорт! Проклятый язык! (С досадой ударяет себя по бедру и вдруг прислушивается. Ударяет еще раз — звенит его кошелек. Опять прислушивается и восклицает радостно.) Нашел! Нашел язык! (Достает кошелек.) Эй, ты! Вот вуаля. Бери, бери! (Дает несколько золотых.)

М а ж о р д о м.

О, благодарю вас, ваша светлость! Чем могу служить?

А н т о н

(решив, что теперь все пойдет на лад, развалился на скамье и говорит небрежно).

Позови-ка ты мне, братец, холопа моего Ивашку. Он, подлец, рассказывают, за нашими увязался и, должно статься, с челядью вашей.

М а ж о р д о м

(пытаясь понять его, вслушаться в русскую речь).

Я в отчаяньи, сударь, но вы опять говорите по-русски, и я не понят ни одного слова.

А н т о н.

Видь какой ловкий! Деньги взял, а по-русски все еще не понимает. Позовите мне мон... (Тихо.) Как Нинишка своих слуг кличет? Ага. Доместик. Гарсон. (Громко.) Позове мон гарсон. Доместик рус. Компрене?

М а ж о р д о м.

Понимаю, месье, но никаких слуг русские господа с собой не приводили.

А н т о н.

Что за вздор! Где же он? Смотри.. Регарде. Вуаля мон гарсон. Компрене? *(Показывает жестаами рост, прическу, костюм, повадки Ивана.)*

М а ж о р д о м.

О! Месье говорит о молодом человеке в красном кафтане с красивыми голубыми глазами?

А н т о н.

Вуй, вуй, вуй. Тоже, нашел красавца.

М а ж о р д о м.

Но этот господин и есть месье Антуан Свиньин. Все его так называют.

А н т о н.

Что? *(Шагается.)* Держи, падаю!.. *(Падает без чувств на руки мажордому.)*

М а ж о р д о м.

Сударь, сударь! Что с вами? Вы живы?

А н т о н

(томно).

Нон!

М а ж о р д о м.

Присядьте, месье! Я сейчас принесу воды.

А н т о н

(стонет).

Нон, нон...

М а ж о р д о м .

Тогда вина?

А н т о н .

Вуй, вуй!.. Стой! Нон. *(Возбужденно бегает по террасе.)*
Ах, вор, самозванец! Да как же наши-то сие допусти-
ли? Ведь это мой раб! Понимаешь, индюк ты этакий?
Не господин, а раб.

М а ж о р д о м

(силясь понять).

Ах, араб? Месье хочет видеть араба русского царя,
капитана Аннибала? Прошу... Он либо в зале, либо в
аллее направо.

А н т о н .

Так это черномазый все подстроил? Ладно. Идем.
(Взбегает по лестнице, возвращается и с расстановкой
говорит мажордому.) Же! Алле! Ему! Разбиве! Мордэ!
Пониме? *(Убегает.)*

М а ж о р д о м .

Что? Мордэ? Кусать? Святая дева! Он бешеный. Так я
и знал. Скорее за ним! *(Убегает вслед за Антоном.)*

Из беседки появляются Иван и Жермена.

Ж е р м е н а .

Ты — безумец! К чему эта ложная гордость! Никакой
помощи я тебе не предлагаю. Я только шепну принцу-
регенту, чтоб он дал тебе капитанский патент, только
прикажу адмиралу Тальону назначить тебе лучший

корабль и только попросу казначея выдать тебе жалованье за два года вперед. Вот и все.

И в а н
(горько).

Вот и все!..

Ж е р м е н а.

Ну да! И все это вместе займет ровно десять минут, между двумя фигурами танца на первом же придворном балу.

И в а н.

Прекрасно! Патент, корабль, золото — все дашь мне ты. Что же останется делать мне?

Ж е р м е н а.

Как что? Любить меня.

И в а н
(тихо).

Бежать от неволи, чтоб отдаться в рабство добровольно? Быть ей обязанным всем?

Ж е р м е н а.

Ты колеблешься? Но ведь самые знатные дворяне принимают помощь от прекрасных дам. Таков наш обычай. Кто посмеет упрекнуть тебя? Тсс... Идут!

Прячутся за кустом.
Входят Диана и Ганнибал.

Диана.

Ну? Вы опять опустили голову? Вам кажется, что, поклявшись мне остаться, вы нарушили свой долг?

Ганнибал.

О, Диана! Вы, как всегда, читаете в душе моей.

Диана.

И вижу, что она больна. Но... у меня есть лекарство. Вот оно...

Ганнибал

Что это? *(Подходит к ней ближе.)*

Диана.

Отойдите на три шага, сударь! И слушайте тихо, тихо... Вчера принц-регент получил письмо от вашего царя... с просьбой позволить юным капитанам пройти еще курс кораблевождения в гавани Тулона.

Ганнибал.

Как? Значит, друзья мои скоро покинут меня?

Диана.

Через неделю. Приказ их наставнику уже послан.

Ганнибал.

И это вы называете лекарством?

Диана.

Погодите. В письме была записка царя. Хотите знать ее адрес? Вот он: «Капитану Ганнибалу в собственные

руки». Маркиза, присутствовавшая при чтении, взялась передать ее вам. Ну и, конечно, передала мне. В собственные руки... И если бы вы знали, что в ней...

Г а н н и б а л.

Разрешение еще год учиться в Париже?

Д и а н а.

О! Гораздо больше. Полная свобода остаться во Франции.

Г а н н и б а л

(радостно).

Боже! И вы только сейчас говорите мне это.

Д и а н а

(ласкается к нему).

Не сердись! Женщина всегда счастлива проверить, как крепко ее любят. Ты решил остаться, не устрашась гнева царя, — вот твоя награда! Читай!

Г а н н и б а л

(читает).

«Дорогой крестник! Ты просишь лишь года, однако чувствую, что Франция крепко держит тебя. Как ни горестно мне сие, но, ежели это так, оставайся. Предпочитаю ведать тебя счастливым издали, нежели разочарованным при мне. Решай сам, но будь благонадежен, что ни в коем случае не оставлю тебя попечением своим. Засим крепко обнимаю. П е т р». *(Тихо и восторженно.)* Петр! *(Задумался и вдруг с порывом.)* Графиня! Через год я возвращаюсь на родину!

Диана.

Что? Милый, ты обезумел! Россия — не родина тебе. Ты рожден под небом жарким, как твои поцелуи. Тебя похитили, тебя продали в рабство царю...

Ганнибал.

И царь поднял меня из рабства...

Иван

(тихо повторяет).

Поднял из рабства...

Ганнибал.

Приблизил к себе вопреки спеси бояр...

Иван

(тихо).

Вопреки бояр...

Ганнибал.

Дал светоч образования и ждет для славных трудов. Не окажусь неблагодарным.

Диана поникает головой.

Спроси свое благородное сердце, Диана, могу ли я поступить иначе?

Диана

(тихо).

Ты прав...

Ганнибал

(бурно обнимает ее).

Год! Еще целый год!

Диана.

Год! Один только год!

Поцелуй. Ганнибал и Диана тихо поднимаются по террасе и скрываются во дворце.

Иван.

Вы слышали, маркиза? Вот мне урок!

Жермена.

Как? Ты пренебрегаешь мной? Ты отвергаешь любовь, которой добивались прекраснейшие юноши Франции?

Иван.

О, Жермена! Если б ты знала, как мало теряешь! Слушай! Я не тот, кем ты меня считаешь.. Я...

Слышен шум. Из дворца выбегают захлебывающийся от гнева Антон и Корсаков, пытающийся удержать его. Вслед за ними веселой гурьбой на террасе появляются и все остальные.

Корсаков.

Да не кипятись, сударь! Сие была шутка! Вольно ж тебе было проспать.

Антон
(вопит).

Подпоили! Осрамили! Обкрутили! Подменили!

Ж е р м е н а.

Что это? Кто этот вульгарный тип? Как смеет он шуметь в моем доме? Эй, слуги!

Сбегаются слуги.

А н т о н

(бросаясь к Ивану).

А вот ты где, пес лупоглазый! Холоп лукавый! На колени!

Ж е р м е н а

(слугам, указав на Антона).

Схватить его!

А н т о н

(вынимает шпагу).

Прочь! Мадам, мадам! Же — Антуан Свиньин. Же! А этот — самозванец! Холоп!.. Эх, как бы ей втолковать... Он мон... он мон... ага... нашел: он мон мужик: Вуаля! «Мужик!»

Ж е р м е н а

(вздвигнув).

Мужик? Это слово я знаю... Мужик! *(Ивану).* Это правда?

Иван молча склоняет голову.

(Тихо.) О! Что меня целовал мужик, я еще могу простить. Но что от меня отказался мужик, это нестерпимо... *(Громко.)* Он не Антуан Свиньин?

А н т о н.

Нон, нон. нон. Муа — Антуан, муа и Свиньин! Все это — же! *(Бьет себя в грудь.)*

Ж е р м е н а

Господин министр, потрудитесь объясниться!

А к а к и й.

Это всего лишь шутка, мадам...

Ж е р м е н а.

Вот как? Прекрасно, господа! Вы изволили шутить над маркизой де Курси, пра-пра-прадед которой был интимным другом Орлеанской Девы?

Г а н ш и б а л.

Прекрасная маркиза! У нас и в мыслях не было оскорбить вас. Напротив, мы надеялись доставить вам развлечение... Что за беда, если он занял на час ваше рассеянное внимание!

Ж е р м е н а

(зло).

Вы правы, господа! Я напрасно вспылила. Шутка прелестна. Но всякой шутке приходит конец. Месье Антуан Свиньин настоящий!

А н т о н.

Же!

Ж е р м е н а.

Как у вас в России поступают с рабами, забывшими свое место?

А н т о н.

Их велят отодрать, мадам. Их лупят, как сидорову козу.

Ж е р м е н а.

Капитан Аннибал, переведите мне слова этого дворянина.

Г а н н и б а л.

Он говорит, мадам, что их... отстраняют от должности приближенного слуги.

Ж е р м е н а.

Благодарю вас, но, судя по жестам хозяина этого... мужика... ваш перевод не совсем точен... (Антону.) А как это делают, месье?

А н т о н.

Неукоснительно таковым образом: прикручивают вервием к скамье и всыпают, всыпают, всыпают! (Показывает.)

Ж е р м е н а.

Благодарю вас. У вас превосходная мимика и пластика. Я все поняла. (Слугам.) Высечь его!

Слуги схватывают Ивана.

К о р с а к о в.

Но, прекрасная маркиза... Судите нас, но не карайте его. В чем его вина?

Ж е р м е н а

(тихо).

Он может опозорить меня... Предупредим же его. (Громко.) Как в чем? Да знаете ли вы, что этот наглец осмелился — ха-ха-ха — осмелился объясниться мне в

любви! Считая его дворянином, я его высмеяла, узнав, что он мужик, — караю!

Диана

(тихо Ивану, которого мимо нее ведут слуги).

За поворотом — калитка. Вырвитесь и бегите...

Иван.

Нет... Это все будет иначе. *(Вырывается и с низким поклоном обращается к Жермене.)* Высокородная госпожа! Дозвольте слово молвить!

Жермена

(тихо и угрожающе).

Ни звука!

Диана.

Но, Жермена, даже осужденным на смерть даруют последнее слово.

Окружающие дружным ропотом требуют выслушать Ивана.

Жермена

(тихо).

Что ж, говори! Но помни: тебе дорого может обойтись каждое слово.

Вступает музыка.

Иван

(нарочито, изображая покорного слугу-увальня).

1.

Клянусь вам, госпожа, что я на вас
Поднять не смел бы этих рабских глаз.

За дерзость столь преступную, поверьте,
Я б не бича достоин был, а смерти.
Но с древних, незапамятных веков
Обычай на Руси у нас таков:
Слуга послушен воле барской строгой
И расчищает перед ним дорогу.

*(Кланяется Антону и жестом указывает ему по земле
путь к тому месту, где стоит Жермена.)*

Я — только мужик,
Сызмальства привык
Служить своему господину.
Тружусь для него,
Учусь за него
И гну свою рабскую спину.

2.

Я дерзости и в мыслях не имел,
Я только за хозяина радел.
Я жарко и, надеюсь, не напрасно
Твердил вам об его любви страстной.
Меня вы, видно, поняли не так...
В красе я разбираться не мастак.
Простите мне, холопу, смерду, гнусу:

(С силой, гордо.)

Вы мне и ни к чему и не по вкусу!

(Снова подобострастно.)

Я — только мужик,
Сызмальства привык
Служить своему господину.
Я чувства его
Открыл за него
И гну свою рабскую спину.

(В низком поклоне склонился перед Антоном.)

Конец музыки.

Корсаков
(вполголоса).

Молодец!

Акакий
(громко, Антону).

Молодец!

Антон
(орет).

Молодец! Так это ты за меня? Сие другое дело.

Жермена

(ей ясно, что она снова выставлена перед обществом в смешном виде и что есть один способ спасти положение: попасть в ловушку, подставленную ей Иваном). Вот как? Значит, у вас такой обычай? Ты не лжешь? Ты не спасаешь спину от ударов? *(Гостям.)* Есть такой обычай?

Корсаков.

Такой обычай у нас есть, маркиза. Мы можем клятвенно подтвердить, что он, например, учится за господина Свинына по его же приказу и под его именем!

Жермена
(Антону).
Это правда?

Антон
(гордо).
Вуй, вуй, вуй.
Жермена.

И вы приказали ему изъясниться за вас под вашим именем?

Антон
(колеблется).
Да оно собственно...

Акакий
(тихо Антону).
Не теряй, дурак, случая!

Антон
(радостно).
Вуй, вуй, вуй. Же приказе. Маркиза де Курси манифиг. (Целует пальцы.) Манифиг! Муа — гранд амур. Же ву держ! Паде! (Протягивает руки.)

Жермена
(тихо Ивану).
Вы отомстили. Но я тоже отомщу, как бы дорого мне это ни стоило.

Вступает музыка.

Ну, если так, на этот раз
Он заслужил вполне прощенье.
Я отменяю свой приказ!

Слуги отходят.

Жермена.

(Антону.)

Мерси, месье! Я в восхищеньи,
Я вашим выбором горда.
Он неожидан, правда, очень,
Но, может быть, отвечу «да»,
Когда узнаю вас короче.

(Нежно берет под руку Антона и идет по направлению к дому, за ней следуют все остальные. Уже на верхней ступеньке террасы она оборачивается и заканчивает мелодию.)

Слугу же надо наградить, —
Вы в нем имеете находку.
Свести на кухню!

Накормить!

Слуги любезно приглашают Ивана.

Постойте! Луидор на водку!

(Бросает в лицо Ивану золотой.)

Все скрываются в доме. Потрясенный Иван остается один.

Вступает музыка — реминисценция дуэта.

З А Н А В Е С

А К Т Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Горница в петербургском доме Смурова. За широким низким окном виден строящийся город. На столе — богатое угощение. Смуров и Ненила сидят, внешне спокойные, чинные, но в напряженном ожидании. На авансцене за пальцами Люба. Она с трудом сдерживает волнение, пытаясь делать равномерные стежки, но по ходу действия то замедляет, то убыстряет движения.

Вбегает молодой приказчик. Он делает отчаянный, лихой жест рукой, будто собирается сообщить очень важную новость, но, размахнувшись, переводит жест в отрицательный.

С м у р о в.

Ну? Что?

Приказчик.

Не видать-с...

Смуров.

Так зачем в горницу пожаловал? Только всполошил зря. Это не дело. Брысь!

Приказчик.

Я к тому, Карпий Семенович, чтоб не сумлевались: за версту махальщиков расставил.

Ненила.

Ну и ступай, ступай! Да смотри, чтоб не обознались махалы твои. Париж, поди, всех наших сынов под одну гребенку подстриг. *(Загрустила.)*

Приказчик.

Не сумлевайтесь! У молодого боярина, чай, Ивашика на запятках.

Люба вздрагивает.

По нем и признаем-с! *(Ушел.)*

Смуров.

Ненила Варфоломеевна! Чем на ножах сидеть, ожидаючи, дозвольте о делах поговорить.

Ненила.

Ну тебя с делами. Мать сына ждет, невеста—жениха, а у тебя одна прибыль на уме. *(После паузы.)* Ну, чего тебе? Небось, опять насчет зелья бесовского?

С м у р о в.

Какое же оно бесовское? Помилуйте, Ненила Варфоломеевна, сам государь табак курить изволит-с.

Н е н и л а.

Не будет моей русской земли под басурманским твоим табаком.

С м у р о в.

Доверься, боярыня! Ему в твоих южных вотчинах самый раз расти!

Н е н и л а.

Экий упрямый! Сказала нет, да и полно.

С м у р о в.

Доверься, боярыня! Я ж за эти три года доход твой вдвое поднял.

Ненила чихает.

(Степенно.) Салфет вашей милости. (Кланяется.)

Н е н и л а

(в тон ему).

Красота вашей чести. *(Кланяется.)*

С м у р о в

(так же).

Роза на плечах. *(Кланяется.)*

Н е н и л а

(так же).

Благодарим вас на речах... *(Кланяется.)*

С м у р о в
(обычным тоном).

Вот видите-с... Сами чихнули. Значит, я прав-с!

Н е н и л а.

А хоть бы и так! Сколько раз тебя учила: не хвались сам, жди, когда люди похвалят.

С м у р о в.

Ох, долгонько ждать придется. Самому-то оно вернее-с. Вбегае*т* приказчик с таким же отчаянным жестом. Ну?

П р и к а з ч и к.

Не видать-с!

С м у р о в.

Тьфу!

Приказчик исчезает.

Н е н и л а.

Вот что, Карпий Семенович! Я в палисад пойду. Душно здесь что-то.

С м у р о в.

Это дело. Сейчас и я за вами-с...

Н е н и л а вышла.

Душно! Просто из палисада вся невская перспектива видна. Видишь, Люба, какая шелковая боярыня стала: ко мне в Санкт-Петербург приехала сына встречать. Посбавила спеси. (*Внимательно смотрит на дочь.*) Ну, Любушка, что с тобой опять?

Люба
(твердо).

Батюшка! Помните вы свое обещание?

Смуров
(отвернулся).

Это какое еще?

Люба.

На ассамблее, когда царь меня просватал.

Смуров.
Нашла о чем вспоминать...

Люба.

Батюшка! Как я очнулась от беспамятства, вы мне что сказали?

Смуров.

Не упомню... Я сам тогда в беспамятстве был... Штраф-то во какой в нутро принял...

Люба.

Батюшка! Вы сказали мне: «Не плачь, дочка! Коли он, вернувшись, не мил тебе станет, неволишь не буду».

Смуров
(нехотя).

А почему ему немилым стать? Он вот умником вору-чается, слыхала? Лучшая из всех аттестация. А ты и дурачком его полюбила. Он ведь нам все рассказал!

Люба.

Лгал он, батюшка! Я с ним и слова прежде не молвила.

Смуров.

Да ведь ты ж сама согласие дала...

Люба молчит.

Аль с перепугу?

Люба

(тихо).

С перепугу, батюшка.

Смуров

(после короткой паузы, решительно).

Вот что, дочка! Узел этот крепко завязан. Царская рука его стянула, не моей лапе мужицкой его касаться. Не решай опрометчиво... пожалей отца!

Люба.

Ступайте, батюшка... Я приневолять себя попытаюсь. А уж коли скажу «нет», значит, не смогла иначе.

Смуров

(идет к двери, потом возвращается).

Взгляни в глаза! Полюбила кого-другого, как он уехал?..

Люба

(твердо).

Никого другого, как он уехал, не полюбила. *(Тихо плачет, склонившись над пьльцами.)*

С м у р о в
(про себя).

Ничего не понять... Одно понимаю: это не дело...
(Ушел.)

Вступает музыка.

Л ю б а

(шьет и напевает сначала тихо, потом все громче).

Как поймали соколеночка
Да в курятник его кинули.
Он растет, а крылья связаны,
Птицы глупые клюют его.
Лишь одна молодая горлица
Пожалела соколеночка,
Не клевала, приголубила,
Полюбила силу пленную.

(Вышивает, напевая без слов.)

А-а-а-а-а...

Только сватать стали горлицу
Индюшенку колченогому,
Да чванливому, да глупому,
Всего птичника посмешищу. —
Не стерпелось соколеночку,
Скинул путы, бросил горлицу,
Не с прощальным словом ласковым,
А с укором да обидою.

(Вышивает, напевая без слов.)

А-а-а-а-а...

Бурный музыкальный переход.

Ах, чего ж я жду напрасно,
Горе девичье кляня?
Ты вернешься, сокол ясный,
Но не взглянешь на меня.
И, покорна женской доле,
Вышиваю я платок,
И растет, слезою полнит,
Черный шелковый цветок.
И проворно ходят пальцы.
А в груди — тоска и мгла,
Словно в сердце, а не в пальцы,
Мне впивается игла!

(Без слов.)

А-а-а-а-а-а...

*(Голос вдруг оборвался и замер; склонилась над
пальцами.)*

*В сенях шум, говор, голоса: «Едут!» «Едут!»
Люба взволнованно встала. В горницу поспешно входит
Не н и л а, за ней С м у р о в.*

С м у р о в.

Как же так? Это не дело. Сынок до матушки спешит,
а она от него...

Не н и л а.

Молчи, купец! Где ж это видано, чтоб боярская мать
за ворота сына встречать выходила?

С м у р о в.

Так вы ж выходили-с...

Н е н и л а.

Я воздухом дышать выходила. А теперь сяду. А он мне с порога поклон, с середины — другой, да к ногам за благословением, да к ручке с почтением. Садись сам поодаль. Так... А и ты, невеста, не прыгай! Успеешь нарадоваться, рано тебе промеж матери и сына становиться.

П р и к а з ч и к

(вбегая).

Прибыли-с.

С м у р о в.

(насмешливо).

Да ну? (Грозно.) Кыш!

Приказчик исчезает.

Входит до невозможности расфранченный Антон. За ним Иван в приличном платье. В сенях толются приказчики, челядь, девушки и прочий люд. Антон оглядывается, видит мать, поправляет парик, охорашивается и, выйдя на середину горницы, производит сложнейшую процедуру придворного поклона с касанием пола перьями шляпы, реверансами и притоптыванием. Ненила, широко раскрыв глаза, с удивлением глядит на это зрелище.

Н е н и л а

(тихо).

Пресвятая богородица!.. Это что же?

А н т о н
(роскошно).

Бонжур, маман.

Н е н и л а.

Что?

А н т о н
(объяснительно).

Бонжур, маман.

Н е н и л а
(приподымаясь в креслах).

Это что же значит?

А н т о н.

А это значит: здравствуйте, матушка.

Н е н и л а
(встала, грозно).

Лжешь! Это значит — подменили сына. На колени!

А н т о н
(в ужасе).

Увольте, матушка!

Н е н и л а.

На колени перед матерью, сын строптивый!

А н т о н
(робко).

Отнюдь не строптивый, маман. А единственно по причине чулок... (Глуповато-доверчиво тянется к ней и шопотом.) Доотказа натянуты... лопнут-с.

Н е н и л а
(грустно махнула рукой).

Ах, Антоша, Антоша! И с чем ты только из чужих краев приехал!

А н т о н
(радостно).

Так бы сразу и спросили-с... Всем подарки привез. Иван, вели баул зеленый подать.

С л у г и несут баул. Иван кланяется в ноги боярыне, касаясь рукой пола — Смурову и в пояс, не глядя — Любе. Ненила допускает его к руке. Затем Иван отходит на передний план, останавливается и напряженно следит за дальнейшим развитием этой сцены.

Н е н и л а
(тихо, с горечью).

Раб устав помнит, а сын забыл... Не о подарках речь. Поклонись допреж тестю да невесте.

А н т о н
(развязно, Смурову).

А! Бонжур! Бонжур! Гранд плезир имею видеть вас в исправной корпуленции. (Тревожно.) Матушка, а где ж она?

Н е н и л а.

Кто?

А н т о н.

Невеста.

С м у р о в.

Перед тобой, зятек. Неужто не признал?

Н е н и л а

(заминая неловкость).

Богатой быть.

С м у р о в

(сухо).

Она и так не бедна.

А н т о н

(робко).

Позвольте, маман. Это не та!

С м у р о в

Как не та?

Н е н и л а

(тихо).

Опомнись, не срами!

А н т о н

(возбужденно бежит по горнице, кричит).

Нет уж, маман! Это уж афронт беспримерный! Я ту хорошо помню. Та против этой втрое капитальней была! Та была манифиг. *(Целует пальцы.)* Манифиг. Может, это сестра?

С м у р о в

(сухо).

Одна у меня дочь, кавалер, чем богаты, тем и рады.

А н т о н.

Одна? Вот так акцидент! Неужто от тоски по мне за три года так ссохлась? Сие, однако ж, превеликую вариацию всему делу оборачивает! Я за дородную сватался! *(Кричит.)* Окрутили! Подменили! *(Бегает по горнице.)*

Л ю б а.

Не извольте сетовать, сударь. Коль вы обознались, батюшка охотно вам слово ваше возвратит. Я тоже обозналась!

С м у р о в

(смущенно).

Тсс... Люба, просил, не спеши...

Л ю б а

(значительно).

Батюшка ныне не кто-нибудь, а его царского величества коммерции советник. Ему против воли жениха дочь свою предлагать зазорно.

С м у р о в

(выпрямился).

И то... Права дочка. Ее ныне любой дворянин за честь почтет посватать. Коли так, не бывать сей свадьбе.

В течение всего диалога Иван на переднем плане взволнованно слушает.

Л ю б а

(бросаясь в объятья отца).

Ах, батюшка! Сердце у вас золотое.

С м у р о в
(глядя дочь).

Что сердце! Дело у меня золотое! (Нениле.) Я ни в чьих землях не нуждаюсь, любую откуплю, да чем захочу, тем и засею! Не те времена. Сам себе хозяин!

Н е н и л а
(гневно).

Э, нет, купец! Нам нынче порывать поздновато. А кумпанство наше? А дела? А огласка? А волю царскую забыл?

Смуров озадаченно чешет затылок.

То-то... Сие так легко не рушится. Идем в горницу. Обсудим толком. (Любе.) Ты здесь побудь да поостынь. А на своего-то я быстро управу найду. Идем, Карпий Семеныч. Антон! За мной!

Смуров, Антон и Ненила уходят.

Вступает бурная музыка.

Л ю б а
(Ивану).

Слышал? Понял?

И в а н
(падает к ее ногам).

Понял. Прости!

Музыка — реминисценция любовного лейтмотива первого акта.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гавань в Санкт-Петербурге на Неве. На заднике — Петропавловская крепость того времени. На втором плане — река с судами. На переднем плане — тюки, ящики, канаты. При поднятии занавеса музыкальная пантомима: несут мешки, ставят сходни к прибывшему под французским флагом судну, сходят моряки, купцы, катят бочки (движение вверх и вниз по сходням).

Порт дышит свежим ветром утра и эпохи.

Входят комендант порта — старый моряк и Ганнибал.

Ганнибал.

Так государь может быть благонадежен?

Комендант.

Все в исправности, господин артиллерии капитан. Шестидесятичетырехпушечный фрегат «Полтава» вчера с Ладожской верфи прибыл и стоит на реке Неве в ста сажнях от сей пристани. Извольте взглянуть!

Ганнибал

(вглядываясь налево).

Хорош!.. Государь, надо полагать, сам команду принять изволит и поведет фрегат с гостями приглашенными в Кронштадт и обратно. При отплытии вам надлежит дать приличное сему число салютов в честь вступления оного фрегата в строй флота российского.

К о м е н д а н т.

В точности исполнено будет.

Г а н н и б а л.

Отменно. Не смею долее утруждать вас, судары!

Отдают друг другу честь и расходятся.

Ганнибал, круто повернувшись, наталкивается на входящего Акакья. Тот, раскинув руки, преграждает ему путь.

А к а к и й.

Стой! Молчать! Правило: старых друзей узнавать надлежит!

Г а н н и б а л.

Акакий Львович! Наставник лобезный! (Обнял Акакья.)

А к а к и й.

Он самый. Вчера с питомцами прибыл. А ты, князь африканский, давно ль воротился?

Г а н н и б а л.

Третий месяц.

А к а к и й.

Счастливец! Еще год в Париже пробыл, пока мы в Тулоне корпели. Ну, как там? Что Нинишка моя поделяет?

Г а н н и б а л.

Мадам Ниниш не стало, Акакий Львович.

А к а к и й.

Да что ты? *(Истово.)* Прими, о господи, ее душу!
(Начинает креститься.)

Г а н н и б а л.

Она теперь мадам Мутон.

А к а к и й.

Что? Ах, чорт ее поберит! *(Сжимает руку в кулак и потрясает.)* Вот она, женская любовь!..

Г а н н и б а л.

Не кручиньтесь, Акакий Львович! То — дело прошлое.
Вам теперь чины пойдут да награды.

А к а к и й.

Ох, так ли? Постой, брат, ты при государе?

Г а н н и б а л.

При нем. Сейчас от него.

А к а к и й.

Так скажи, каков сегодня он?

Г а н н и б а л.

Светел. Шутка ли, два праздника в один день: и капитаны собственные прибыли, и фрегат, по его же чертежам сооруженный, в строй вступает. Да еще удача: у боярина Соковнина гнилой зуб объявился. Сейчас царь его как раз рвет. А сами знаете, как он до сего охоч. Как младенец сияет!

Акакий.

Ох! Дай-то бог. Авось, пронесет.

Ганнибал.

А что?

Акакий.

Память у тебя короткая, Ибрагим! А как же со Свиньиным быть? По бумагам он из первых, а на деле — сам ведаешь.

Ганнибал.

Не робейте, Акакий Львович! Я все затеял, я все на себя и возьму!

Акакий.

Нет, брат, меня послали, с меня и взыщут. Хорошо, коли только прибьет, а ну, как сошлет куда, где не только людей, а и водки нету!

Подходит комендант.

Вам что, господин комендант?

Комендант.

Питомцы ваши, господин советник, на плацу рядом построены. (*Указывает рукой влево.*) И ждут вас. Сейчас государь прибудет.

Акакий.

Вот оно. Ну, вывози кривая. (*Спешно уходит налево.*)

Голоса за сценой: «Смирно!», «Смирно!»

Комендант повторяет команду. Жизнь в гавани замирает.

Входит Петр со щипцами в руках, за ним бояре, боярыни, голландские шкиперы (те же, что в первом акте), вельможи, Ненила, сопровождаемая Ивановом, боярин Соковнин — второй боярин из первого акта; он держится рукой за щеку.

Комендант.

Смир-но!

Петр

(махнет рукой со щипцами).

Продолжать работы!

Гавань опять оживает.

(Соковнину.) Ну, как? Полегчало?

Соковнин

(морщась от боли, кланяется).

Блаженство райшкое ишпытую, гошудары!

Петр.

То-то. А ты робел. Жаль, что он один у тебя с дырой. У меня сегодня рука легкая. *(Помахивает щипцами.)*

Соковнин в ужасе отшатывается.

Комендант! Рапорт по гавани!

Комендант.

Имею донести вашему...

Петр.

Без титулов, короче...

Комендант.

В гавани благополучно. Сего дня в шестом часу утра француз торговый «Святая Цецилия» прибыл и на якорь встал.

Петр.

Груз?

Комендант.

Олифа, канаты, статуи римского бога Меркурия, шелк на вымпелы, астролябии английские и семя табачное.

Петр.

А, прибыло? Изрядно! Разгрузка?

Комендант.

Кончаем, государи!

Петр.

За табак пошлина льготная взыскана?

Комендант.

Льготная, купцы отменно довольны!

Петр.

Смотри. Проверю самолично. Далее?

Комендант.

Шестидесятичетырехпушечный фрегат «Полтава» с Ладоги...

Петр

(уже давно разглядывающий невидимый зрителю фрегат).

Вижу!

К о м е н д а н т.

Прибывшие из учения сыны дворянские — рядом на плацу, в мундирах капитанских, как велено...

П е т р.

Вижу... Господа гости, пройдем же на плац, сних достойных юношей, надежду нашу, с возвращением и производством поздравить. По аттестациям судя, успехи у всех отменные. *(Вынул пачку аттестатов.)* Сие нам радость и польза великая. *(Направляется налево.)*

Гости уходят за ним. Слышна команда:

«Смир-но!», затем крики: «Ура!»

Справа входят Жулев и невероятно расфранченна Гликерия. Она движется с трудом. Жулев тянет ее за собой.

Ж у л е в.

Ну, вот видишь... Плетешься, как воз с сеном, вот и опоздали. Теперь до конца церемонии на плац не пустят.

Г л и к е р и я.

Даму везде пустят, надо лишь апломб да жантильность оказывать.

Ж у л е в.

Да ведь ты еле ходишь, ишь сколько на себя накрутила. К чему это?

Г л и к е р и я.

Вы, тятенька, от разговору моего не увиливайте. Что я вас просила?

Жулев

Да ты не в себе, дочка! Он же Смуролой Любы жених!

Гликерия.

Знать не хочу! Он мне клялся? Мне обещался? Так извольте схлопотать, чтоб мне и достался!

Жулев.

Да что ж я его перекуплю у Карпия, что ли? За сценой радостные крики: «Ура!» Трещат барабаны, слышна роговая музыка.

Выходит Петр, обнимая одной рукой Корсакова, другой Акакия. Рядом семенит Антон. За ними остальная молодежь, гости.

Петр.

Хороши! Выправка отменная, вид бравый! Тебе, старый бражник, спасибо. Не подкачал, соблюл. Молодцами привез. *(Целует Акакия.)* За всех вас его целую. Потрудились во славу флота российского.

Акакий

(плачет от волнения).

Что мы, Питер! Вот ты так потрудился!

Корсаков.

Диву даемся, государь, сколько за краткое время сие кораблей отменных соорудили!

Петр.

Корабль без капитана мертв есть. Вы — его душа. Ибрагим! В Адмиралтейство! Распорядись тотчас по аттестациям сим патенты на завтра заготовить да возвращайся быстрее.

Ганнибал

(переглянувшись с Акакием).

Государь... Дозволь одно слово...

Петр.

Ступай! Вернешься, скажешь.

Ганнибал, поколебавшись, уходит.

Корсаков Алексей!

Корсаков.

Я, государь.

Петр.

Обучился отменно! Благодарю. Ибрагим — тебе друг, поди, год не видались... Догони, чай, есть о чем перемолвиться. Да ворочайтесь скорей: вас обоих в первый рейс беру. Фрегат сам поведу!

Корсаков радостно убегает.

Свиньин Антон!

Антон.

Же, государь!

Петр.

Ух ты, совсем офранцузился. Парик-то укоротить придется, — ветер морской растреплет...

Общий смех.

А вы не смейтесь! Его аттестация — из первых! Ну, как, пошла тебе впрок Европа?

А н т о н.

Вуй, государь.

П е т р.

Постой. Да ведь ты у меня жених. Где ж невеста? Смуров где?

Н е н и л а.

Невеста, государь, на радостях вечер занемогла, да все обошлось. Сейчас прибудет.

П е т р.

Ну, жениху и честь особая. Капитан Антон Свиньин! Извольте сесть в вельбот, взойти на «Полтаву», принять команду и фрегат с приличествующими маневрами сюда подвести. Пусть мать на сына порадуется.

А к а к и й

(тихо).

Вот оно... (Громко.) Государь! Ты ж сам фрегат вести собирался?

П е т р.

Отсель и поведу. (Антону.) Что ж ты стоишь? От радости опешил?

А н т о н.

Вуй, государь. Иван! За мной! (Поворачивается и, сопровождаемый Иваном и комендантом, идет к паркету.)

А к а к и й

(увидя идущего за Антоном Ивана).

Уф! Отлегло!

П е т р

(приметив Ивана).

Ба! Да это законник! Помню! Люблю. Поди сюда! Ведь я ты с господином ездил?

И в а н.

Так точно, государь.

П е т р.

А ну, побудь здесь. *(Гостям.)* Любопытно, как сему не-искушенному Европа показалась? *(Увидя остановившегося Антона.)* Что мешкаешь? *(Топает ногой.)* Марш!

Антон убегает. За сценой слышен крик: «Вельбот!» Иван в сильном волнении то и дело оглядывается на реку. Акакий, увидя, что Антон отправился на фрегат один, в ужасе хватается за голову и, держась рукой за щеку, причитает.

А к а к и й.

Ай-яй-яй...

П е т р.

Что? Ты чего вскрикнул?

А к а к и й

(дрожа).

Ничего, государь, токмо...

Петр
(просияв).

Ну, ну, не вилай! Я тебя насквозь вижу. Зуб схватило?

Акакий.

Отнюдь, государь.

Петр.

Отнюдь? А сам за щеку держишься? Поди сюда.

Акакий пытается объяснить.

Поди, говорю. Не трусь. Боль мгновенна, исцеление вечно.

Акакий.

Государь! Дай сказать...

Петр.

Помолчи! Садись! *(Насильно усаживает его на ящик.)* Раскрой рот. Так и есть. Верхний резец. А ну... *(Лезет щипцами в рот, сильно кричит.)* Ра-ррраз. У-ух. Сам старый, а корни какие здоровые! Не робей, у меня сегодня рука легкая. Р-ррраз. *(Вырывает зуб.)* Есть! Сплюнь!

Акакий
(злобно).

Тьфу! *(Пытается объяснить, но от боли только что-то невнятно бормочет.)*

Петр.

Ступай, воды зачерпни, сполоснешь. Ништо тебе. Отойдешь — благодарить будешь. *(Ивану, который тревожно)*

глядит на реку.) А ну, пожалуй сюда, законник. Скажи-ка, понравились ли тебе французы?

И в а н.

Очень, государь.

П е т р.

Почему?

И в а н.

Много знают, государь.

П е т р.

Дольно. А понравились ли девицы французские?

И в а н

(тихо).

Не очень, государь.

П е т р.

Почему?

И в а н.

...Много знают, государь.

П е т р

(хохочет).

Ай, да законник! Вот так обозначил!.. Эй... Ты что это в сторону смотришь?

И в а н.

Виноват, государь.

П е т р.

На что смотришь? Отвечай! *(Смотрит в ту сторону, что и Иван, и хватается за голову.)* Ах! Да что это?

Вступает тревожная музыка.

Общее волнение. Оно охватывает и шкиперов. Все глядят на Неву. В толпе приглашенных шум, возгласы. Многие вынимают подзорные трубы.

Петр.

Очумел он, что ли? Какие паруса ставит? (Топая ногой, кричит.) Что делаешь, дьявол? Подбери грот! Фрегат загубишь!

Во время этой реплики Иван быстро оглянулся и, убедившись, что на него никто не обращает внимания, сбрасывает верхнее платье и башмаки и с разбега, никем не замеченный, прыгает через паравел в воду.

(Неистово.) На фре-га-те! По-доб-рать грот! (Тихо.) Не слышит... (Хватается за сердце.)

— Кренится. Ох!
— Потопит!

Голоса:

Петр.

Потопит, с-сукин сын. Комендант! Лодку! (Бросился было к паравелу, но вдруг остановился.) Стой! Выправился..

Общий крик.

Опять кренится!..

Взволнованные крики и шум толпы.

Куда ж его несет! В щепки разобьется о набережную. Ах, мерзавец! (Хватается за голову.) Сколько пушек! Сколько людей! Сколько трудов загубит!

Новый взрыв криков.

Комендант.

Взгляни, государь.

Петр

(достав трубу, смотрит).

Глаза застлало! Не вижу. Говори, что там? *(Опускает трубу.)*

Комендант.

Человек за бортом. Канат ему бросили! Лезет... Взошел...

Петр

(смотрит).

Видю. Ага! Оттолкнул прохвоста!

Общий крик.

Ти-ше!

Голос Ивана

(издалека, глухо).

По-до-брать гро-о-о-т!

Петр

(глядя в трубу).

Так, так, так... Теперь бы еще лево руля...

Голос Ивана

Лево руля!

Общий радостный крик.

Петр

(облегченно).

Уф! В последний миг вывернулся. Глазомер и смелость!

Конец музыки.

К о м е н д а н т.

Прошла тревога. Взгляни, государь, как искусно лавирует! Четверти часу не пройдет — здесь будет.

П е т р.

Спас... Спас фрегат.

Один из приближенных.

Да кто ж это?

П е т р

(глядя в трубу).

Постой. Как же так? Да это... *(Опускает трубу, оглядывается и видит вместо Ивана его верхнее платье.)* Так и есть. Он! Ну, погоди, господин Свинын. *(В изнеможении опускается на ящик.)*

Входят Смуров и Люба. В отличие от пиры Жулев — Гшкерия, Люба тянет Смурова, тот упирается.

С м у р о в.

Ну, сама и откажись, а у меня язык не повернется. Царь в Антоне, говорят, ныне души не чает. А твой-то — холоп!

Л ю б а

(смело подойдя к Петру, падает на колени).

Государь! Милости прошу!

П е т р.

Встань! Не проси! Его суд морской судить будет.

Люба.

Какой суд, государи! Не губи жизни моей, не вели
итти за боярина Свинына...

Петр
(гостям).

Быстро отступилась девица! Ловка! (Любе.) Ты что ж?
Видела, как жених твой сегодня перед нами отли-
чился?

Люба.

Не видела, государи! Но как бы ни отличился,
сердцу не прикажешь. Не люблю я его и не любила
никогда! Чем хочешь награждай его, токмо не мной.

Петр
(тихо).

Нет. Ничего она не знает. (Громко, с насмешкой.) Зря!..
Зря от такого клада бежишь! Ведь он всю науку на-
вигацкую превзошел...

Входят Ганнибал и Корсаков.

Люба
(топнув ногой).

Обман это, государь! Ничего он не превзошел. Как
дурнем уехал, так дурнем и вернулся!

Ненила.

Что же это, государь Петр Алексеевич? Купцова девка
дворянина порочит! Ну, напутал Антоша на радостях,
так исправится. Аттестация-то отменная.

Петр.

Аттестацию сию я ныне подложной полагаю и за взятку купленной.

Корсаков

(выступая вперед).

Никак нет, государь. Аттестация не подложна и выдана по заслугам!

Петр.

Это как же? Изъяснись!

Корсаков.

За господина Свинына слуга его Иван, под именем его, с превеликим усердием...

Петр.

Стой! Теперь все ясно.

Ганнибал.

Я посему и осмелился патент на имя Свинына задержать. Ему не то корабля, корыта доверить нельзя.

Петр.

Сам узнал, да чуть не поздно. *(Грозно.)* Плющихин! Взгляни на меня! Ты ж сие ведал, почему ж ты, собака, не упередил, когда я его на фрегат посылал?

Акакий

(жалобно-ворчливо).

Упредишь тебя, чорта-ш-два. Штоит рот рашкрыть, ты в него шо щипчами шуешьшя. *(Притворно плачет.)*

Петр.

Ты мне шуток не шути! Не на пьяной пирушке!
(Кричит.) А почему в Париже такой обман покрывал?
Это же государству прямой урон.

А к а к и й

(кричит).

А ты тоже не ори! Какой такой урон? Ты школько человек учиться посылал? Двадцать два. Я школько тебе капитанов привез? Двадцать два. А тот ли, другой ли — государству твоему на шие плевать, лишь бы дельный был. (Передразнивает.) «У-рон!» Плохо я тебя воспитывал в детстве, вот што. Штитать бы лучше научилши, чем жубы ждоровые драть. (Сплеывает.) Тьфу! Тьфу!

Петр

(несколько смущенно).

Ну... ну... расплевался. Небось, знает кошка, чье мясо съела. Одна тебе только и фортуна, что под сей диплом (показывает на возвращенный Ганнибалом диплом) человека предъявить можешь.

Г о л о с а.

— Подходит!

— Прибыл!

К пристани приближается фрегат на полуспущенных парусах. С фрегата слышен голос матроса: «Лови причал!»

Комендант.

Сходни!

Матросы ставят сходни. Антон торжественно сходит по ним на берег и величественным жестом указывает на корабль.

Антон.

Вуаля! Привел.

Петр.

Привел?

Напряженная тишина.

Привел? *(Гневно заносит руку, но удерживается; досадливо отмахнувшись, он проходит мимо растерянного Антона навстречу дрожащему от холода, мокрому Ивану и бурно обнимает его.)* Спасибо! Спасибо! Такие для меня на вес золота! Спасибо! *(Целует его.)* Да ты дрожишь? Застудишься. Одеться скорей надо!

Иван делает движение к своему платью.

Нет, не твой это кафтан. *(Наступает ногой на одежду Ивана.)* Вот твой. *(Хватает за шиворот Антона, вытряхивает его из капитанского мундира и протягивает мундир Ивану.)*

Десятки рук помогают Ивану надеть капитанский мундир.

Акакий через всю сцену спокойно идет к Антону, снимает с него шляпу и, возвратясь к Ивану, надевает ему на голову.

А теперь чего хочешь—проси! Мне все про тебя ведомо.

Люба

(подходя к Ивану и беря его за руку).

Не все, государь! *(Склоняется головой к плечу Ивана.)*

Петр.

Эге! Вот оно что?!

Иван.

Теперь — все, государь.

Петр

(опешив, Любе).

Да ведь ты ж тогда за того итти соглашалась?

Люба.

Я про этого думала, государь!

Петр.

Гм... Выходит, это я напутал?

Смуров.

Напутал, напутал, государь. И она напутала, и я напутал. А все штраф его напутал. *(Указывает на Акакия.)*

Петр.

Ну, я напутал, я и распутаю.

Ненила.

Нет уж, не взыщи, государь. Насчет свадьбы ты слово царское дал. Тебе его не сдержать никак не можно.

Петр.

Видали, как сына пропавшего пристроить едешит? Слово я давал, да вот девица не согласна.

Н е н и л а.

Значит, причуда ее твоей воли царской сильнее, что ли?

В толпе бояр приглушенный смех.

П е т р.

Гм... Господин советник Плющихин! Ты человек умудренный. Слово я, точно, давал. Как с сей загвоздкой быть?

А к а к и й.

Никакой жагвождки нет, гошударь. Ты какое шлово давал? Капитаншей ее жделать пошулил. А капитан нынче не тот, а энтот. Жначит, ей жа него и итти Вше правильно.

П е т р.

Слыхала, мать? Все правильно.

Н е н и л а

(с расстановкой).

А если правильно, пусть выходит! *(Грубо поворачивает Любу.)* Она — девка здоровая. Мне такая раба пригодится.

С м у р о в.

Как раба? Это почему же?

Н е н и л а.

По закону: «За раба идущая рабой становится». Есть такой закон?

А к а к и й
(мрачно).

Ну, ешгь...

П е т р.

Поспешила, мать. Я ему волю даю...

Н е н и л а.

Вот как? Так ты уж от дворян холопов отбирать начал да вольную им давать? Нет такого закону. Ты — царь. Ты первый имущество наше беречь обязан.

Бояре глухо ропщут.

П е т р
(тихо).

Умна, бестия. (Громко.) Слыхали, господа? Права боярня! Я — царь, я не могу закон нарушить.

Иван и Люба в отчаянье.

Н е н и л а.

Что? Взяли? Вот это — царь!

П е т р.

Именно, мать. Царь! А раз царь, то могу ж я новый закон издать?

А к а к и й.

Можешь! Обязательно можешь!

П е т р.

Ибрагим! Пиши! (Диктует.)

Ганнибал, взяв походные принадлежности, пишет, устроившись на бочке.

Петр.

«Который холоп боярский для казенной надобности
преполезен, того холопа...

Бояре глухо ропщут.

..за цену, владельцу не обидную...

Ропот бояр сразу стихает.

...казна имеет право выкупить, а владельцу сему указа-
но не препятствовать». (*Ганнибалу.*) Давай сюда.
(*Подписывает.*) В Сенат на утверждение! (*Нениле.*)
Цену говори.

Вступает музыка.

Ненила.

Ты цену сам назначил, государь!
Сказал: «На вес, мол, золота такие».
Так взвесь его и золота отсыпь.

Петр

(*Ивану.*)

Ох! Дорого ж ты мне обойдешься.

Иван.

Не верь ей, государь. Не так,
Я в детстве продан был по весу за табак,
Табак — всего тебе расходу:
Пускай же он окупит мне свободу.

(*Показывает на тюки.*)

Петр
(коменданту).

Весы сюда!

(Нениле.)

Небось! Уйдешь с корыстью!
Втридорога урон тебе вернем.

(Ивану.)

За листья продан в рабство был?

Иван.

За листья.

Петр.

А за свободу я плачу зерном.

К весам, законник!

Музыкальная сцена- взвешивания на стоящих на пристани весах. Грузчики кладут к ногам Ненилы два мешка.

(Нениле.) Не рассыпь! Зелье дорогое! Да смотри, чтоб все посеяно было! Проверю лично!

Смуров.

Перст божий, Ненила Варфоломеевна! Придется сеять.

Как звать?

Петр.

Иван.

Иваном, государь!

Петр.

Господин Иванов! Произвожу тебя в дворяне и даю

чин капитана флота российского! (*Указывает на Антона.*) А сего олуха назначаю тебе в матрозы!

Ненила закрывает лицо руками.

Иван.

Уволь, государь! Что я с таким делать буду? Он же ничего не умеет. Куда ж мне его девать?

Петр.

Прав! Забрить мерзавца в солдаты, в штрафную роту, сван заколачивать!

Гликерия внезапно появляется перед царем и делает сложный реверанс. Петр, пораженный, наблюдает за этим зрелищем, еле сдерживая смех.

Тебе чего?

Жулев

(протиснувшись вперед, низко кланяется Петру и указывает на Антона и дочь).

Себе его просит, государь!

Петр.

Вот как? А ты как же?

Жулев.

Согласен, государь.

Петр.

Ну, бери, мне такого добра не жалко! Согласна, мать? Или, может лучше в солдаты?

Н е н и л а.

(Антону).

Благодари царя, несчастье мое, позор мой!

Г л и к е р и я и А н т о н начинают делать сначала Петру, а потом друг другу радостные реверансы, чрезвычайно напыщенные и глупые, и под ручку покидают сцену. В последнее мгновение Антон оглядывается на Ивана и жалобно вопит.

А н т о н.

Подменили! (Уходят.)

П е т р.

Пара! Как раз пара!

Общий смех.

Ну, эта ему почище штрафной роты будет! (Жулеву.)
А ты, брат, хитер!

Ж у л е в.

А где лес-то хороший взять, государь? А тут за одну эту дубину сколько тысяч стволов в его вотчине получу!

П е т р.

Смотри! Теперь одна к одной чтоб мачты были. Капитан Иванов!

И в а н.

Здесь, государь!

П е т р.

Как над «Полтавой» самовольно команду принял, так ее и держи. Клянись верно родине служить!

Н е н и л а.

Пожалеешь еще, Петр Алексеевич! Родина — дело наше, дворянское! Хлоп он! Какая Русь ему родина?

П е т р.

Слышал, капитан? Права ли она?

И в а н.

Права, государь.

Общее изумление.

Какая Русь мне родина? Ее Русь? Нет! Твоя Русь мне мать родная! Где свет и воля, там людям родина. И ее, клянусь кровью, сердцем защищать, любить, всею жизнью служить.

П е т р

(вдохновенно).

Изрядно сказано, господин табачный капитан! Уж на что Ибрагим! Далека его родина, а он здесь дружную обрел. И живет притрет и обласкан, служат верно, на славу, а придет время, как знать, может, и сыны его и внуки родину прославят! *(Гостям торжественно.)* Господа приглашенные! Сегодня новый корабль корабли российские собою множит. Ежели и деревушки, у реки стоящей, без челнока не бывает, так можно ли державе великой, морями омываемой, без мощного флоту быть? Его и крепим по мере сил и разумения нашего, нам на безопасность, врагам на страх, родине на процветание! Капитан Иванов! На корабль! Ибрагим! Здесь гости голландские?

Ван-Блазиус.

Здесь! Здесь, Питер!

Петр.

Алеша! Сюда!

Корсаков подходит.

Познакомьтесь: собственный наш, российский шкипер из молодых россиян, опоры моей и соратников, Корсаков Алексей.

Гервасий.

О, каспадин Корсаков! Карашо! Я сейчас будиль вас обнималь!

Шкиперы.

И я! И я!

Петр.

На фрегате обнимитесь. Песню! Ван-Блазиус! Начиная, а мы подтянем. *(Обнимает Корсакова и голландца, и шеренгой в обнимку они идут на фрегат.)*

Ван-Блазиус.

Двадцать два матроса,
Юнга и кок,
Все рыжеволосы,
Плыли на восток!

Иван.

Сходни убраты! Поставить грот!

Фрегат медленно отчаливает. Раздается первый салют. Петр с гордо поднятой головой стоит в центре возвышения, чуть ниже — Иван.

Взвиваются все вымпелы гавани в порту и на судах.

Хор.

Трое суток буря выла,
Палубу водой покрыло,
Шкипера волною смыло,
Боцмана доской убило,
Но плывут, держась за тросы,
Прямо на восток
Двадцать два матроса,
Юнга и кок.

Гром салютов.

З А Н А В Е С

ПРИЛОЖЕНИЕ

I.

(Перед поднятием занавеси после 1-й картины четвертого акта.)

Хор за сценой.

Стучат молотки,
Звенят топоры
От утренних зорь до вечерней поры!
Звенят топоры,
Стучат молотки,
И город великий встает у реки.

Пр и п е в :

Осушаются болота,
Воздвигаются леса!
Стройся, град, опора флота,
Наша гордость и краса!

Расти в вышину,
Расти в ширину,
Как дуб молодой расцветает в весну,

Ты будешь стоять
Века и века
И встретить сумеешь любого врага!

Припев:

Осушаются болота,
Воздвигаются леса!
Стройся, град, опора флота,
Наша гордость и краса!

II.

ХОР КАПИТАНОВ И ГОСТЕЙ¹

(при уходе с площади вместе с Петром).

Капитаны.

Вернулись мы в страну родную!
Привет тебе, отчизна-мать!
Всю нашу силу молодую
Клянемся мы тебе отдать!

Припев:

Вейся гордо наше знамя
Над просторами морей!
Будем верными сынами
Славной Родины своей!

(Гости повторяют припев.)

Гости.

На вас с надеждой смотрим ныне!
Вершите славные дела!

¹ Этот хор может быть и финальным, при отплытии фрегата вместо „Голландской моряцкой“.

Чтоб крепла русская твердыня,
Чтоб сила русская росла!

Припев:

Вейся гордо наше знамя
Над просторами морей!
Будьте верными сынами
Славной Родины своей!

(Капитаны с гостями повторяют припев.)

ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

ПЕТР¹. В пьесе выявлены те черты характера Петра, которые обычно принято называть побочными: это любовь к песне и шутке, к устройению браков, лорывистость и непосредственность, наконец, страсть к хирургии. Внимательно всмотревшись не только в действия Петра, но и в результаты этих действий, мы видим, что Петр использует и эти свойства для устройства государственных дел.

Петр любит веселье ассамблей, но и на ассамблее он сближает нужных ему людей, сбивает спесь с бояр. Он сватает Любу за Антона, но цель его — этим и подобными браками передать богатые, но хилеющие боярские вотчины в руки предприимчивого купечества. Таким образом, и в этих «побочных» чертах проявляется дальновидность и государственный ум Петра.

¹ В афишах и программах необходимо печатать «Питер», чтобы не срывать эффекта неожиданного появления Петра на сцене.

Актер, который будет играть Петра, должен отказаться от ходячих представлений о Петре, и играть его точно по моей пьесе.

Петр не должен «напускать» на себя никакого величия (значительность и величие его образа создадут и подчеркнут другие актеры), а напротив, поражать и подкупать своей простотой и непосредственностью. Основные этапы поведения Петра в первом акте таковы.

При появлении это расшалившийся большой ребенок. Он идет в обнимку со шкиперами, пригнувшись, прикрыв, как и они, лицо шляпой, заранее радуясь «сюрпризу» внезапности своего появления. Он в приподнятом от доброй выпивки настроении. На уговоры Акакия петь для всех, со словами, он отвечает капризным бормотанием, но, как только Акакий тычет пальцем в составленные самим Петром ассамблейные правила, Петр понимает, что он первым должен дать пример выполнения их. Он объяснительно бормочет шкиперам: ничего, мол, не поделаешь, и песня поется вслух.

Сцена с Жулевым. Петр с гордостью представляет голландцам своих российских негодяев, но, узнав, что один из них осрамил его воровством, приходит в ярость. Поэтому, если актер не вскроет и не подчеркнет гордости Петра своими российскими людьми, не будет понятна причина его бешенства.

Жулева он бьет всерьез, но спокойная выдержка Ивана заставляет его одуматься, и слова «Ладно, все, пусти» он произносит, как обещание: больше бить не буду.

Сцена с Иваном. Однако гнев Петра не проходит сразу. Он только приглушен, ищет выхода и готов обрушиться на Ивана, дерзнувшего вмешаться в действия царя, применить по отношению к нему физическую силу и тем самым проявить недопустимую на людях непочтительность. «По какому домыслу меня коснулся?» — спрашивает Петр. Это в Петре говорит недоверчивость властителя, помнящего бунты. Но лишь только Иван объясняет, что все сделано по приказу Петра, положение спасено: Петр сразу высоко оценивает такт и изобретательность Ивана, прекратившего публичную расправу над Жулевым и вместе с тем действовавшего по его же царскому велению. Только после этого Петр обретает прежнюю беспечность, успокаивается, и гнев его сменяется добродушной улыбкой.

Сцена с Антоном. Петр прекрасно видит глупость Антона. Весь «экзамен» ведется им весьма иронически. Но в этой сцене очень важно выявить и подчеркнуть великую веру Петра в силу просвещения. «Не из таких еще оболтусов наука людей делала!» — говорит Петр. Поэтому он посылает Антона за границу и охотно берется устроить его брак с

Любой, однако только после того, как Антон станет капитаном. К Антону Петр снисходителен, учитывая заслуги перед родиной его отца — боярина Якова Свиныина, передового человека и своего соратника.

Сцена с Ненилой. Ненила — главная пружина борьбы старой, боярской Руси с Петром. Положение осложняется тем, что часть боярской знати имеет неоспоримые заслуги перед родиной и перед ним. Не считаться с этим Петр как великий государственный деятель не может, однако поступаться в угоду им насущными интересами государства он также не способен. Поэтому с Ненилой Петр пытается говорить сначала благоволительно, но, встретив сопротивление, переходит на официальный тон и, воспользовавшись ее же терминологией, грозно говорит: «Кому — Питер, а тебе — царь всея Руси». Он может быть запросто со своим человеком — Акакием, иностранцами шкиперами, но перед Ненилой выдвигает незыблемый для нее авторитет царской власти. Дав почувствовать Нениле непререкаемость своей воли, он говорит: «Пережить-то ты меня переживешь, а вот переспорить — не переспоришь».

Однако в четвертом акте одними приказаниями Петр не ограничивается. И когда Ненила пытается бить Петра его же оружием, ссылаясь на закон, на нерушимость царской воли и долга царя: «Ты дал слово. Ты обязан защищать боярское имущество, — это в твоём же законе написано!», а за нею стоят глухо ропщущие

бояре, Петр требует от Акакия четких формулировок законности своих действий. Сцена издания нового закона очень важна для обрисовки образа Петра и характеристики его правления. Она прежде всего показывает, что многие законы Петра диктовались самой жизнью, насущными интересами государства (в данном случае частным происшествием). В ней надо подчеркнуть быстроту и дальновидность, с которыми Петр по частному случаю проводит далеко идущие, государственно-важные решения, смело сметая с пути все препятствия, мешающие его замыслам. Таков Петр с противниками. С преданными ему людьми он попрежнему прост и непосредствен. «Выходит, это я напугал,— шутливо говорит он.— Ну, я напугал, я и распутаю».

Порывистость, благоволение, шутка, грозная интонация — все это проявления смены чувств Петра, и за всем этим кипучая деятельность и неустанная забота о благе и процветании отечества — вот основные черты великого преобразователя. Те же черты Петр любил и высоко ценил в других. Актеру необходимо подчеркнуть эту смену чувств, слить эти черты в единое, органическое целое, и тогда образ Петра станет живым и близким зрителю. Еще раз подчеркиваю: Петра надо играть проще и живей, тогда само собой придет и величие.

АКАКИЙ. Его роль — одна из самых сложных и трудных в пьесе. Легче всего автору было бы дать мудрого наставника, государственного мужа. Но это

было бы скучно и главное — фальшиво. Петр умел мириться с недостатками нужных ему людей. Он очень ценил долголетнюю дружбу, верность и преданность. Поэтому положительное отношение Петра к Акакию ни в коем случае не должно умалять образ Петра. Наоборот, оно должно подчеркнуть его проницательность в подборе людей. Но для этого артисту, играющему роль Акакия, необходимо отрешиться от обычного амплуа комика в примитивном истолковании этого слова.

Портрет Акакия у меня обобщенный, собирательный. Я соединяю в лице Акакия и черты Никиты Зотова, и князь-кесаря Ромодановского, и тонкого дипломата того времени — Толстого.

Акакий любит выпить, непрочь завести интригу с пышной хозяйкой трактира, любит пошуметь и пошутить, но он горячо предан Петру, и все его *действия* в конечном счете должны дать положительный результат. В первом акте Акакий требует от всех строгого соблюдения введенных Петром ассамблейных правил, во втором он, рискуя поссориться с возлюбленной, торгуется за каждую государственную копейку. Он явно против Свинына и за Ивана, и в том, что молодые дворяне положительно относятся к Ивану, есть и его заслуга. В третьем акте Акакий проявляет государственный ум, когда, по праву старого учителя, кричит на Петра. «Ты школько человек учить-ся посылал? Двадцать два. Я школько тебе капитанов привез? Двадцать два. А тот ли, другой ли —

государству твоему на сие плевать, лишь бы дельный был.» И Петр прекрасно понимает, что Акакий прав. Поэтому, не засушивая образ Акакия, актер все же должен *создать положительный облик* жизнерадостного, легкомысленного в забавах, но мудрого в делах русского человека того времени, который, *по признанию взыскательного Петра*, «не подкачал, соблюл, молодцами капитанов привез».

Было бы грубой ошибкой делать из Акакия только бражника: Акакий — тонкий, умный чиновник и царский советник. Он — невозмутимый эпикуреец. Свое: «Стой! Молчать! Правило!» *он не кричит, а важно провозглашает*. Ему не чуждо чувство нового. В первом акте он появляется в довольно несурзном парике. Во втором акте Акакий — галантный мужчина: парик на нем европейский, платье сидит безупречно, он даже щеголеват, но в меру. Актер должен смешить, не будучи сам смешным. Акакий очень умен, находчив, ловок, настойчив. Петр это знает и ценит. Однако, поскольку Акакий — бражник, за ним нужен глаз да глаз. В сцене четвертого акта, после зубодранья (при котором с Акакия падает парик, обнажая голый череп), дяк совершенно свирепеет, обращается с Петром, как с бывшим учеником, даже кричит на него, убежденный в своей правоте. Величие Петра в том, что он это понимает. Поэтому он и говорит Акакию добродушно-примирительным и даже смущенным тоном: «Ну... ну... расплевался.»

Солидность, важность невозмутимость Акакия еще больше оттеняют комизм тех положений, в которых эти черты в силу обстоятельств покидают его (драка с Мутонем, сцена зубодранья и др.). Но Акакий быстро находит себя. Намяв бока Мутону, он, уходя, не забывает любезно раскланяться и сказать Нишиш: «Всегда к вашим услугам», а сплюховав с дипломом Антона, обратить внимание царя на то, что интересы государства от этого не пострадали. Положительное отношение Акакия к Ивану и презрительное — к Антону, его находчивость только подчеркивают его незаурядный ум и проницательность, которые он неоднократно обнаруживает в затруднительные для себя и даже Петра минуты.

АНТОН — недоросль. Это смазливый, необычайно самонадеянный и очень глупый юнец, совершенно уверенный в том, что он, Антон, венец творения, что все должны служить ему, восхищаться им, влюбляться в него. Его «пунктик» — *дворянская честь, знатность и родовитое происхождение*. Поэтому в сцене второго акта, узнав, что Иван за него откликается на вызовы в академии, он действительно чувствует себя оскорбленным. Но достаточно Ганнибалу нажать нужную пружинку, заявив, что Иван будет называться Антоном *по его, Антона, повелению*, как Антон вполне удовлетворен. Достаточно Ивану «объяснить», что он, Иван, добивался любви Жермены *от имени Антона*, по его воле и для него, —

тот в восторге. Заносчивость Антона — результат его крайней ограниченности и невежества.

Актеру, играющему Антона, особенно важно усвоить, что смена чувств его героя совершается *без всякой последовательности, без перехода, внезапно*. В первом акте, только что прошипев в страхе Ивану: «Молчи, тварь подлая, меня назовешь — запорю», он, заметив, что Иван в милости у царя, тотчас же кричит: «Мой!» После реплики Петра и его вопроса: «Имя?» Антон пугается и робко называет себя. Но как только Петр (в память о заслугах отца) целует Антона, последний принимает это как должное и тотчас становится развязным. Во всех ответах Антона Петру и даже в ответе: «Еще других наук не превзошел» должно сквозить тупое самодовольство. Нюансы в поведении Антона на сцене не нужны, *контрасты должны быть резкими*. Непосредственность, с которой он в первой картине четвертого акта кричит о Любе: «Позвольте, маман, это не та!», детский страх перед необходимостью опуститься на колени по требованию матери, наконец, его напыщенно-торжественное: «Вуаля — привел!» в последней картине — все это должно быть *до предела наивным*. Только тогда Антон будет по-настоящему смешон, и контраст его с благородным и умным Иваном достигнет необходимой разительности.

МОЛОДЫЕ ДВОРЯНЕ—опора и будущие соратники Петра, преемники и продолжатели его славных дел. Это тот цемент, с помощью которого Петр надеется

скрепить новую Русь. Необходимо показать, что Петр не ошибся в своих расчетах, и подчеркнуть, что *на одного бездельника Антона Свинына приходится сотни честных русских людей, на которых Петр опирается.* Во главе молодых дворян стоит Корсаков. Глушеишие рассуждения Свинына о «чести дворянской» Корсаков обрывает словами: «Честь чести рознь, сударь Антон Яковлевич! Нынче наша честь — обучиться да царю и родине служить». Молодежь добросовестно готовится к тому, чтобы со славой справиться с такой задачей. Молодые дворяне полны глубокой любви и преданности родине и Петру. Даже за пирушкой они клянутся стать капитанами «в назначенный им срок», а Корсаков отказывается пить «за милую» и за «Францию нарядную» и поднимает бокал «за родину любимую, за нашего Петра». Положительное отношение к Ивану и презрительное к Антону рисует молодых дворян как передовых людей своего времени. Стрешнев с восхищением говорит об Иване: «Голову об заклад — далеко пойдет!» Слова Акакия: «Моя бы воля, я бы его и навсегда с Антошкой местами переменял» выражают мнение всей передовой дворянской молодежи.

Постановщик должен зорко следить, чтобы будущие капитаны не изображались «по-опереточному», веселыми, беспашашными кутилами. Их поведение, выправка, положительное отношение к Ивану и презрительное к Антону должны быть как бы *продолже-*

нием линии Петра... Эти качества и дадут основание Петру с гордостью представить Корсакова иностранным гостям как «собственного нашего российского шкипера».

ГАННИБАЛ, в биографии которого много сходного с биографией Ивана, дает Ивану возможность продолжать образование и берется устроить его судьбу. *Необходимо, чтобы зритель полюбил благородного предка нашего Пушкина.*

СМУРОВ — отнюдь не хуец-самодур. Он рад высокой чести,—у него ассамблея! Однако он не кичится этим. Он горячо любит дочь и готов пойти на все, чтобы сделать ее счастливой. Смуров сметлив, деятелен, честен и полон чувства собственного достоинства, но не выставляет этого напоказ. Только в разговоре с Ненилой (четвертый акт) он показывает, что знает себе цену.

В первом акте два Смурова: один — *до опьянения*, другой — *после*. Этот второй находится в блаженно-радушном состоянии. Он всем хочет угодить, но не угодлив, и всех слушает. Когда Акакий велит ему быть с Петром запросто, Смуров простодушно хлопает Петра по плечу, приговаривая: «Валяй, садись, Питер», но тут же на минуту трезвеет, спохватывается, истово крестится и шепчет: «Господи, это я царю-то?», а затем опять впадает в состояние умиленного блаженства.

На фоне хмельной радости Смурова по поводу стовора дочки должна еще разче проступить душевная драма Любы. Обморок дочери приводит Смурова в себя, и в последней фразе его: «Доченька, что с тобой, очнись» должна звучать горячая любовь и тревога.

Ни в коем случае не следует переигрывать ни сцены опьянения, ни страха при появлении Петра. Смуров должен быть представлен, как честный поставщик, прекрасно понимающий, что его интересы *совпадают* с государственными замыслами Петра. Он непрочь породниться с боярами, но в душе посмеивается над их ограниченностью, спесью и никчемностью. В противовес проходе Жулеву Смуров должен оставлять у зрителя самое положительное впечатление.

НЕНИЛА частично уже охарактеризована в указаниях к образу Петра. Ей 40—45 лет. Это женщина властной, сухой, холодной красоты, умная, цепкая, по-своему практичная. Держится она с большим достоинством, граничащим с высокомерием. *Ни в коем случае ее нельзя трактовать как «комическую старуху»*, но вместе с тем это никак не Салтычиха и не Кабаниха. Ее протест против Петра — это протест установившегося уклада против смелого преобразования. В пьесе она (а не спившиеся, деморализованные бояре) представляет ту старую Русь, которую ненавидит, с которой борется и с которой еще считается Петр. Ненила говорит спокойно, повелительно, мед-

ленно, с достоинством. Лишь один раз, в конце первого акта, когда речь идет об отправке сына за границу, она изменяет себе. в голосе ее прорываются живые нотки, выдающие ее тревогу: «Господи, как умолить-то его, не знаю.. Господин Питер!» — взволнованно говорит она. Ее борьба с Петром в четвертом акте — поистине *отчаянная*. Чувствуя, что почва ускользает из-под ее ног, она не складывает оружия и борется до последней возможности. Тем разительнее должно предстать перед зрителем ее поражение, тем ярче должно выступить торжество Петра. Ее борьба с Петром весьма символична. Борясь за сына, она борется за свой привычный уклад жизни. Убедившись в никчемности сына и в превосходстве над ним Ивана, Ненила с горечью говорит Антону: «Благодари царя... позор мой!» Из гордости она не уходит, присутствует при возвышении «Ивашки» и бросает ядовитую реплику по адресу Ивана: «Холоп он! Какая Русь ему родина?» Этим он старается еще раз унижить дело Петра и подорвать к нему доверие. Отчет Ивана и Петра наносит Нениле и в лице ее всей старой Руси жестокий удар.

ИВАН. Основные его черты—спокойствие, выдержка и быстрая реакция.

Судьба научила Ивана сдерживать свои страсти, кипучесть своей природы. Она одарила его умом, юмором, сметливостью, тактом и находчивостью. Впервые его истинная натура обнаруживается в разговоре с Лю-

бой (до дуэта). Затем с новой силой она проявляется в ответе Смурову на вопрос, пошел бы он, Иван, служить ему: «Всею душой, всем сердцем служил бы, Карпий Семенович!» После этого Иван попрежнему сложен, ловок, сдержан вплоть до финала первого акта, где он вне себя от горя и страсти. Это горе Петр принимает за горе верного слуги, не желающего расстаться с господином.

Иван второго акта — интеллигент своего времени. Гордость его еще более страдает от унижительного рабства, и жажда воли еще острее. Его стремление к знаниям так велико, что он готов стерпеть любые издевательства Антона, лишь бы доучиться.

В сцене с маркизой Иван сразу понимает, что благодаря его ошибке (реплика: «Здесь») дворяне хотят позабавиться на его счет, а также на счет маркизы, и пользуется этим, чтобы выпрямиться во весь свой рост. В реплику: «Распустим паруса!» он вкладывает всю свою волю, и смысл подтекста всего его дальнейшего поведения таков: «Ну, хорошо! Покажу я вам, что такое настоящая галантность и европейский лоск».

С Жерменой он говорит без тени смущения, *по-французски*, то есть остроумно, стремительно, легко, как истый галантный кавалер XVIII века. Он до конца входит в свою роль и с этого момента до конца второго акта безраздельно властвует на сцене. Любезные дерзости, которые он говорит Жермене, должны быть

в то же время проникнуты чувством восхищения перед ней, особенно фраза: «Есть взоры, в которых так приятно потонуть...» За ней следует «поединок глазами», от которого у маркизы, великолепно знающей силу своей красоты и очарования, кружится голова. Она опускает глаза и, отдавая должное Ивану, говорит: «Довольно, капитан. Признаю себя побежденной...»

Третий акт очень сложен для актера, играющего роль Ивана. Основное, что должно быть усвоено: у Ивана *действительно* закружилась голова от всей этой сказочной ночи, от красоты маркизы, от ее признаний. Но решающим моментом является фраза маркизы, из которой он узнает, что она верит в его силы и будет его любить без поместий, без знатности, таким, каков он есть на самом деле. На Руси ему как будто бы и терять нечего. Он — раб. В измене Любы он убежден. Во Франции его ждет любовь красавицы, любимое дело — навигация. Все это вместе с ароматом ночи, обаянием Жермены, жадной свободы и вырывает у Ивана обещание остаться. Но следующий разговор с Жерменой должен показать зрителю лучшие, благородные черты характера Ивана. Ненависть к рабству заставляет его бежать от рабства объятий, гордость человека возмущена, даже испугана потоком покровительства, который Жермена считает вполне естественным.

Именно в этот момент (еще до появления Ганнибалы и Дианы) Иван стряхивает с себя очарование

волшебной силы и принимает решение вернуться. Верность Ганнибала — не русского человека — Петру лишь укрепляет Ивана в уже принятом решении.

С момента, когда он «разоблачен», не успев само-разоблачиться, когда он в Жермене чувствует и видит своего извечного врага — *владелицу, хозяйку*, с него слетает последнее очарование Жерменной. Не страсть, а презрение испытывает он к легкомысленной маркизе. Никакой душевной драмы от ее отступничества он не переживает. Его цель — спасти положение с наибольшей для себя честью, не уронив при этом достоинства молодых дворян. Все это выражено в арии «Я — только мужик», где ирония должна быть крайне замаскирована *для действующих лиц*, но совершенно понятна зрителю. Только в одном месте арии Иван внезапно на мгновение выпрямляется: «Вы мне и ни к чему и не по вкусу!» Это оскорбление Иван дерзко бросает в лицо Жермене, а затем он снова покорный слуга Антона. И только в финале картины, когда Жермена швыряет ему золотой, Иван в отчаянии хватается за голову и падает на ступеньки опустевшей террасы. На этом должен идти занавес.

Роль Ивана в четвертом акте ясна и не представляет больших трудностей для исполнителя. Здесь важно правильное истолкование и подача трех ключевых фраз. Первая из них: «Геперь — все, государь» (когда

Люба опустила голову к нему на плечо). Она должна быть произнесена спокойно, как деловой отчет.

Вторая фраза: «Уволь, государь! Что я с таким делать буду?» — выражает испуг перед тем, что ему придется возиться с оболтусом Антоном как матросом своего экипажа. Кроме того, Иван понимает, что ему, бывшему крепостному, дворяне не простят такого унижения человека их среды. Поэтому, под предлогом непригодности Антона, Иван отклоняет неудобную ему ситуацию. Следовательно, испуг этот нарочито комический.

Третья фраза: «Какая Русь мне родина?!» — самая важная и значительная во всей роли Ивана, поэтому она должна быть самой горячей и искренней. В ней и в ее продолжении — весь Иван.

ЛЮБА. Это умная русская девушка, воспитанная на воле, а не взаперти, в терему. Она своевольна и свободно распоряжается своим сердцем. Она любит того, кто ей по душе, кого она сама избрала, несмотря на то, что отлично понимает неравенство с ней возлюбленного. У нее сильный характер. *Она умеет быть преданно любящей, но не покорной.*

ГЛИКЕРИЯ — во всем полная противоположность Любе. Особенно необходимо актрисе подчеркнуть, что из-под внешней «ультраевропейской» оболочки вылирает вульгарное, безграмотное нутро тупой купеческой дочки, гонящейся исключительно за внешним

лоском. Ее ограниченность сродни Антону Свиныну. В четвертом акте она уводит Антона, как бычка на веревочке, как свою полную собственность.

ЖЕРМЕНА ни в коем случае не кокотка. Это придворная фаворитка в стиле Помпадур, достаточно известная и родовитая для того, чтобы иметь право выбирать возлюбленных и бросать их. Иван — первый мужчина, не упавший к ее ногам. Возможно, что она полюбила бы его по-настоящему, навеки. Но обман, сделавший ее посмешищем русских дворян, всколыхнул ее гордость. В лице Ивана она чувствует сильного, умного, непримиримого и в то же время благородного противника, бороться с которым ей не легко. От этого еще сильнее страдают ее самолюбие и гордость. Ее последний удар, нанесенный Ивану, вызван не сознанием ее превосходства над ним, а, наоборот, сознанием *своего бессилия*. Тем более из Жермены не надо делать «своенравной «барыни». Ее фраза: «То, что меня целовал мужик, я бы как-нибудь перенесла, но что от меня *отказался* мужик — это нестерпимо» и является ключом к ее поведению в финале акта. Ее легкомыслие должно быть очаровательным, проникнутым «культом любви XVIII века», о котором нам повествуют бытописатели этой эпохи.

Таковы мои пожелания в отношении трактовки образов.

Николай Адуев

Обложка художника
А. Сурикова

Редактор С. Коллман

Л. 4/17.

Подписано к печ. 7/V III 1944 г.
Тираж .000 экз. Печ. лист $6\frac{5}{8}$.
Уч.-изд. л. 6,67. Знаков в 1 печ.
л. 32 533. „Искусство“ № 2784.

Цена 8 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос.
издательства „Искусство“,
Москва, ул. 25 Октября, 5.
Заказ № 686.

56

8 руб.

2
12/10/07